РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ

РУССКИЙ 007

Сергей Донской

И ЦЕЛОЙ ОБОЙМЫ МАЛО

Сергей Георгиевич Донской

И целой обоймы мало

Серия «Капитан ФСБ Евгений Бондарь», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=280772
И целой обоймы мало: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08617-X

Аннотация

Просто неслыханно – капитану Бондарю, этому крутому спецу из ФСБ, которого даже сослуживцы называют «наш Джеймс Бонд», поручили дело, с которым легко справится любой начинающий опер. Ему надо съездить в Астрахань и добыть образцы героина, который расходится оттуда по разным регионам России. Но когда он прибыл на место, понял, что не все так просто. Дело обернулось такой крутой разборкой, какая даже в кошмарном сне не приснится. Оказалось, что лаборатория по производству героина находится на острове, где расположена бывшая база ПВО. Так что ему в одиночку придется воевать с могущественным наркодельцом, которого охраняют вооруженные до зубов головорезы…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 31
Глава 3 48
Глава 4 74
Глава 5 96
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Сергей Георгиевич Донской
И целой обоймы мало

Глава 1
Особенности национального экстрима

Анино сердечко колотилось, как птица в клетке, – обезумевшая от страха птица, чувствующая приближение смертельной опасности. Мокрые волосы, облепившие голову и плечи девушки, делали ее похожей на утопленницу или русалку, если допустить, что в природе встречаются русалки с поцарапанными щеками, без рыбьих хвостов, зато в купальниках.

Некоторое время камышовые заросли, в которых она скрывалась, оставались неподвижными, но, увы, это продолжалось недолго… не так долго, как ей бы хотелось. Вскоре хруст стеблей, шорох листьев и плеск воды возобновились. Как будто заработал некий бездушный механизм, перемалывающий Анину судьбу.

Хрясь-хрясь… Шур-шур… Плюх-плюх…

Это означало, что *они* никуда не делись. *Они* продолжали искать Аню. *Они* медленно, но верно приближались к ее убе-

жищу.

Люди-коты.

Оборотни.

Убийцы.

Аня стиснула челюсти, опасаясь выдать себя лязганьем зубов. Вода, доходившая ей до пояса, была теплой, но кожа девушки покрылась пупырышками. Нет, она не ощущала холода, ее лихорадило по другой причине. Просто оборотни уже убили троих Аниных спутников, а теперь искали ее, чтобы отнять и ее жизнь.

Просто убили… Просто искали… *Просто?!*

Девушка едва подавила истеричный возглас, увидев одного из них. Бредя по мелководью с короткоствольным автоматом в руках, он пока не замечал притаившуюся в камышах жертву, но достаточно ему было слегка повернуть голову вправо, и тогда…

Спаси и сохрани, господи!

Аня осторожно присела, погрузившись в воду по расширившиеся от ужаса глаза. С этой секунды ею управлял не разум, а первобытные инстинкты далеких предков. На них тоже охотились в таких же зарослях, такими же тихими теплыми вечерами, но они ухитрялись выживать, передавая свой опыт следующим поколениям.

Это называлось борьбой за существование. Одни всегда прятались и убегали, а другие преследовали и настигали. Мужчина с автоматом принадлежал ко второй категории лю-

дей. У него тоже имелся свой опыт. Опыт прирожденного убийцы.

Поэтому голос его был голосом доброго дяди, окликающего заигравшуюся девочку:

– Ага, вот ты где! Я тебя вижу!

Допуская, что за ним могут наблюдать из укрытия, мужчина специально не смотрел в одну точку, скользя взглядом по камышовым дебрям. У него был легкий кавказский акцент и сильное желание закончить игру в прятки как можно быстрее. Указательный палец его правой руки сросся со спусковым крючком автомата.

– Выходи, ну! – нетерпеливо прикрикнул он.

Аня не шелохнулась. Ей была хорошо известна эта детская уловка. Ты отсиживаешься в кустах, а тот, кто водит, вдруг ка-ак гаркнет: «Пила-пила, лети как стрела!» Сдуру выскакиваешь на открытое пространство, а там только этого и дожидаются. Нет уж, при игре в жмурки со смертельным исходом благоразумнее руководствоваться другой присказкой: «Топор-топор, сиди, как вор». Чем Аня и занималась.

Не добившись своего хитростью, мужчина перешел к тактике увещевания.

– Ау, ты где, дурочка? – ласково спросил он. – Выходи, не бойся. Ничего тебе не будет. Зададим тебе несколько вопросов и отпустим.

Аня продолжала сохранять полную неподвижность. Досадливо скривившись, мужчина стал медленно поворачи-

ваться вокруг своей оси, пристально всматриваясь в зеленые плавни. Автоматный ствол неотступно следовал за выискивающим цель взглядом. Через несколько секунд глаза девушки и мужчины неминуемо должны были встретиться.

– Все равно тебя найду, – пообещал он.

Это вывело Аню из оцепенения. Ухватившись за толстые осклизлые стебли, торчащие из ила, она сделала короткий вдох и погрузилась в воду по самую макушку. Если бы она нырнула чуточку глубже, ее бы непременно выдали пузырьки воздуха, поднимающиеся от волос. Но мокрые пряди беззвучно расплылись по темной поверхности заводи. Бурые, как водоросли, они не привлекли внимания мужчины.

Завершив полный оборот, он постоял немного, прислушиваясь к звукам, нарушающим тишину майского вечера. Ничего настораживающего. Лишь монотонное зудение комаров да сытое икание лягушек. Мужчина выругался и двинулся дальше, рассекая коленями воду.

Шлеп-шлеп-шлеп…

Ане, в легких которой закончился кислород, пришлось выныривать наобум, не зная, где находится преследователь, но, осторожно высунув голову из воды, она увидела только круги, расходящиеся по поверхности. Мужчина исчез. Как только вода вылилась из Аниных ушей, она услышала отдаляющийся плеск и была готова поздравить себя со счастливым спасением, да только радость оказалась преждевременной.

Следом за первым мужчиной шли остальные. Кажется, их было двое: один выдавал себя шорохом камышей, а второй брел по мелководью, производя характерное хлюпанье. Двигаясь параллельным курсом, невидимые преследователи негромко переговаривались. Все, что могла разобрать Аня, это отдельные слова: «сука», «запропастилась» и «найти». Ей не нужно было ломать голову, чтобы уловить общий смысл беседы. Куда-то запропастившейся сукой была она, найти собирались тоже ее, а что произойдет дальше, Аня представляла себе довольно ясно. Судьба, постигшая троих ее спутников, не оставляла сомнений на сей счет.

Они перестали существовать – Анины товарищи. Их больше не было…

Ни Лехи Рябинина, самого опытного яхтсмена из четверки, любившего к месту и не к месту повторять лермонтовские строки про парус одинокий…

Ни Макса Белохвостикова, мастера на все руки, отвечавшего за техническое состояние маленькой флотилии…

Ни его жены Ленки, стойко переносившей тяготы своего первого в жизни путешествия под парусами…

Теперь уже последнего путешествия, потому что для Ленки, для ее мужа и для Лехи Рябинина все кончилось. Уцелела лишь Аня, с ужасом прислушивающаяся к приближающимся голосам.

* * *

Когда живы были все четверо, их объединяло страстное увлечение виндсерфингом.

Они познакомились с этим экзотическим видом спорта три года назад, наутро после выпускного вечера, гуляя в новом микрорайоне Москвы – Строгине. Внимание компании привлек немолодой чудак, упорно стремившийся взгромоздиться на странного вида доску, плавающую посреди пруда. Из доски торчала мачта с ярким треугольным парусом. Всякий раз, когда мужчина делал слишком резкое движение, чтобы сохранить равновесие, суденышко накренялось и сбрасывало его в воду. Очутившись в пруду, он начинал все сначала, дрожащий, смешной и жалкий. Чем-то он напоминал пляжника, балансирующего на надувном матрасе. Вот потеха!

Хмельная компания взялась подбадривать чудака улюлюканьем и гоготом, но насмешки смолкли, когда парус внезапно наполнился ветром и помчал доску к противоположному берегу. Опасно кренясь и лавируя, мужчина пересек пруд и снова бултыхнулся в воду. Молча наблюдавшие за ним выпускники дружно заржали, скрывая зависть, которую испытали минуту назад. Не смеялись лишь четверо из них – Аня, Леха, Ленка и Макс.

Пару месяцев спустя они сами развлекали отдыхающих

на побережье, самозабвенно укрощая черноморские волны на самодельном трехсекционном виндсерфере. Однажды ночью за этим занятием их застукали пограничники. Они-то и поведали ребятам, что виндсерфер относится к плавсредствам, подлежащим обязательной регистрации, поскольку на доске под парусом можно совершать очень даже дальние плавания.

Дальние плавания? Ух ты!

Возвратившись домой, ребята вплотную приступили к изучению вопроса. Бродя по интернетовским порталам и сайтам, они невольно вспоминали свои недавние потуги на Черном море и чесали затылки. Выяснилось, что их подход к освоению парусных досок был слишком дилетантским. Виндсерфингом занимались настоящие профессионалы, устанавливающие и бьющие всевозможные мировые рекорды. Эти загорелые боги пересекали на своих утлых суденышках Па-де-Кале, Ла-Манш и Берингов пролив, они бесстрашно покоряли вершины девятых валов, летали на крыльях ураганов и огибали коварный мыс Горн с такой легкостью, словно стояли не на вертких досках, а на палубах настоящих кораблей. Таким образом, самые маленькие в мире яхты имели поистине грандиозное будущее! Первым сообразил это Леха Рябинин.

Уже следующим летом он совершил свое первое многодневное путешествие на виндсерфере по Азовскому морю. В составе флотилии из семи туристических швертботов и

одного катамарана Леха успешно преодолел путь от Геническа до мыса Казантип. В этом походе была апробирована идея размещения груза как на самой доске, так и в специальных термоконтейнерах, выполняющих функции спасательных жилетов. Продемонстрировав товарищам такой чудо-жилет, Леха бегло упомянул парус одинокий и предложил совершить автономное плавание на серферах. Не по какой-то там грязной соленой луже, прозывающейся Азовским морем. По Каспию, где шторм бушует триста дней в году.

Почему бы и нет?

Сборы заняли чуть меньше года. Четверка смельчаков собиралась для начала пройти вдоль западного побережья Каспийского моря. Чтобы пересечь его от берега до берега, понадобилось бы сложное оборудование для ночевок в открытом море, серьезная спортивная подготовка и сопровождающее судно. Ребята не хотели ждать. Им не терпелось испытать свои силы. Вдоль побережья так вдоль побережья, лишь бы не откладывать затею в долгий ящик.

Несколько дней назад, в последних числах мая, они прибыли в Махачкалу, выбранную в качестве отправной точки великого похода. С вокзальной площади хорошо просматривался порт. Серая морская даль казалась гладкой, как заасфальтированная площадь. Однако проходящие мимо сухогрузы зарывались носом в волны, что напоминало о буйном нраве Каспия.

Проверяя снаряжение на загородном пляже, путеше-

ственники познакомились с коварными повадками здешнего ветра. Когда они совершали пробный выход в море на двух досках, стоял полный штиль, но уже через пятнадцать минут на ребят обрушился такой шквал, что им пришлось выброситься на берег в двухстах метрах от места старта. Здесь же четверка обрела и первые навыки борьбы с прибоем. Все без исключения получили синяки, а Макс в придачу лишился плавок, к полному восторгу дагестанской детворы, наблюдавшей за происходящим.

Нести доски до лагеря пришлось попарно – преодолеть бешеный напор разгулявшегося ветра в одиночку оказалось не под силу даже здоровяку Лехе. Загорелые пацаны бежали за компанией и со знанием дела обсуждали сексуальные возможности смущающегося Макса. Ленка хихикала, за что ей здорово влетело по прибытии в лагерь.

Испытания лишь раззадорили мореплавателей. На следующее утро в резиновые герметичные мешки были уложены личные вещи, палатка, примус, спальники – все, что могло пригодиться в пути. Багаж надежно привязали к носу и корме виндсерферов. Натянув гидрокостюмы и спасательные жилеты, ребята помахали руками зрителям, волнуясь, как артисты перед ответственной премьерой. Ответом был залихватский свист и пожелания скорейшего возвращения, желательно, не только без плавок, но и без купальников. У махачкалинских гаврошей было не так уж много развлечений. Надо полагать, вид голой задницы Макса произвел на

них неизгладимое впечатление.

Доски были спущены на воду, мачты – подняты, паруса – наполнены ветром. Легкий бриз подхватил путешественников и понес их вдоль белых бурунов, кипящих над подводными скалами.

Это было незабываемое путешествие. Днем плыли, рассекая барашки волн, по вечерам причаливали к берегу и ставили палатку, раздувающуюся, словно воздушный шар. Ветер пел в капроновых растяжках и швырял в лицо песок, превосходящий колючестью снежную поземку. Самым привычным выражением четырех обветренных физиономий сделался улыбчивый оскал, дополненный прищуренными глазами. Хруст песка на зубах стал таким же обыкновенным явлением, как привкус морской соли на языках. Кожа стремительно задубевала и покрывалась необычайно плотным загаром. Во время ночных купаний казалось, что ребята одеты в белые плавки и купальники, хотя никакой одежды на них не было.

Загаром, кстати, обзаводились не без мучений. Майское солнце припекало вовсю, так что в первые дни процесс снятия гидрокостюмов превращался в настоящую пытку: руки путешественников покрывались волдырями от солнечных ожогов, и разоблачиться без посторонней помощи было невозможно. Но вскоре необходимость надевать рубахи с длинными рукавами поверх гидрокостюмов отпала, а тюбики с противоожоговой синтомициновой эмульсией были выброшены за ненадобностью.

Спали как убитые, просыпались, будто заново рождались на свет. Поутру, откопав доски из-под песчаных заносов, перекусывали на скорую руку и вновь пускались в плавание, продвигаясь от Махачкалы в направлении устья Волги. За проливом между Аргаханским полуостровом и островом Чечень ветры ослабли, сделавшись умеренными. Парусами завладел преимущественно попутный ветер, называемый в народе «Магомед».

Выяснилось, что держать фордевинд, или курс, при котором задувает сзади, весьма трудно. Виндсерферы гарцевали на волнах, как дикие мустанги, норовящие сбросить седоков. Парни и девушки не раз искупались в море, прежде чем освоили технику фордевинда, но потом воздушный поток изменил направление на сто восемьдесят градусов, и началось привыкание к встречному ветру, именуемому на Каспии «Иваном». Чтобы преодолевать его, путешественники беспрестанно лавировали, меняя галсы. Как только удавалось пристроиться к ветру под острым углом, доски летели по волнам, словно летучие рыбы, оставляя за кормой пенистые следы.

Чертя по морю замысловатые зигзаги, обе команды соревновались в сноровке и скорости, причем молодоженам Белохвостиковым зачастую удавалось обогнать Леху и Аню, считавших себя бесспорными лидерами. Тогда они стали применять коварную тактику, заходя с наветренной стороны, чтобы перекрыть доступ воздушного потока к парусу соперни-

ков. Это срабатывало. До тех пор, пока военную хитрость не переняли Белохвостиковы.

Охваченные азартом и духом соперничества, проходили километров по пятьдесят в день. Время летело незаметно. Дни мелькали, как телеграфные столбы за окнами скорого поезда. Пейзаж постепенно менялся. Обрывистые берега, тянувшиеся слева, уступили место пологим холмам, покрытым кустарником. Сразу за Кизлярским заливом начались плавни, а ближе к разветвленной дельте Волги – бесконечные острова и протоки, поросшие камышом.

На одном из таких необитаемых островков решили задержаться подольше, чтобы почувствовать себя робинзонами. Почувствовали. Но продолжалась эта идиллия недолго. Из четверых островитян, которые еще пару часов назад наслаждались ролью первооткрывателей, в живых осталась только Аня, и шансов увидеть новый день у нее было крайне мало.

* * *

Преследователи никак не желали оставить ее в покое. Времени и упорства им было не занимать. Мужчина, разминувшийся с Аней, дошел до песчаной отмели, на которой не сумела бы спрятаться даже черепаха, и повернул обратно, перекликаясь с двумя сообщниками. Они медленно продвигались ему навстречу, не ленясь прочесывать каждый квадратный метр зарослей. В их поведении угадывалась неумоли-

мость охотничьих псов, идущих по кровавому следу.

Аня попыталась вспомнить какую-нибудь молитву и не сумела. Дальше вступительных слов «Отче наш» дело не пошло. Тогда она не придумала ничего лучше, чем по-детски зажмуриться.

Фр-р! Резкий звук, прозвучавший над головой, заставил ее вздрогнуть. Когда к Ане вернулась способность соображать и видеть, она обнаружила, что кусает собственные пальцы, сунутые в рот, чтобы подавить готовый вырваться визг. Прямо перед ней плескался селезень, шумно опустившийся на поверхность заводи. Несколько раз окунув изумрудную головку в воду, он услышал мужские голоса, насторожился и скользнул в камыши.

Все удрали, а я осталась, тоскливо подумала Аня.

Она ошиблась. За ней наблюдали крохотные глазки, блестящие, как пара черных бусин, лежащих на земле. Между ними торчал длинный клюв, похожий на сломанный стебель сухой травинки. Это был бекас, втянувший голову и прижавшийся к земле так, чтобы полностью слиться с ней. Когда шлепанье мужских ног зазвучало совсем близко, он не выдержал, с криком вспорхнул из камышей и зигзагами полетел к берегу.

Прогремели выстрелы, бекас взорвался в воздухе, разлетевшись в мелкие клочья.

– Нервы не выдержали, – виновато сообщил невидимый стрелок.

– Лечи нервишки, – посоветовали ему.

– Или запишись в общество охотников, – подал голос третий мужчина. – Там тебе будет раздолье. Постреляешь в свое удовольствие.

– По дичи неинтересно. Я на двуногих охотиться люблю.

– Тогда какого хрена бекаса укокошил?

– Что, птичку жалко?

– Патронов, баран. Доллар штука.

– Окупятся.

– Ага, окупятся. Особенно если тебе гусиная стая попадется.

– Ха-ха-ха!..

– Ге-ге-ге!..

– Хо-хо-хо!..

Аня подумала, что через минуту все трое будут стоять над ее трупом, так же жизнерадостно комментируя ее смерть. Но она не дичь для любителей охоты! Она еще поборется за свою жизнь! Утопающий хватается за соломинку, не так ли?

Мысль о соломинке подсказала Ане дальнейшие действия. Склонившись к обломку сухой тростинки, она перегрызла ее у основания и продула полый стебель, проверяя, насколько хорошо тот пропускает воздух. Метелки камышей раскачивались уже совсем рядом, когда Аня, плотно обхватив дыхательную трубочку губами, ушла под воду. Чтобы не всплыть в самый неподходящий момент, она держалась за корни, торчащие из берегового уступа. Сидя на корточках

с запрокинутой головой, она гадала, не выдаст ли ее предательское облачко ила, поднявшееся со дна.

Некоторое время из ушей и волос Ани вырывались пузырьки воздуха, но вскоре поверхность над ней сделалась абсолютно гладкой. Лишь мелкие круги расходились от дрожащей тростинки. Неровная тень, падающая на зеленоватую воду от зарослей, маскировала фигуру сжавшейся в комочек девушки. Она благодарила бога за то, что взяла в путешествие практичный темный купальник, а не тот вызывающе-белый, приобретенный специально для того, чтобы производить впечатление на мужчин. Сейчас Аня вовсе не жаждала внимания. Наоборот, ей хотелось оставаться как можно более незаметной. Она не возражала бы даже против превращения в лягушку, но волшебников поблизости не наблюдалось, ни добрых, ни злых.

Были только безжалостные убийцы, идущие по Аниному следу. Она слышала, как три пары ног рассекают воду и подминают ломкие стебли. Не отваживаясь закрыть глаза, девушка завороженно вглядывалась в полупрозрачную воду над головой. Освещенная косыми лучами вечернего солнца, поверхность покрылась рябью. В ушах Ани зазвучал гулкий бубнеж, напоминающий замедленную магнитофонную запись. Это совещались преследователи, сошедшиеся поблизости.

Инстинктивно стремясь уменьшиться в размерах, Аня скрючилась, как ребенок в материнской утробе. Тростинка

в ее губах едва не окунулась в воду. Если бы в этот момент кто-то из мужчин вздумал подойти поближе, Ане пришел бы конец. Достаточно было даже сантиметровой волны, чтобы вода попала в отверстие дыхательной трубочки. Но преследователям надоело прочесывать плавни, и они были уже не так активны, как в начале поисков.

«Ду-ду-ду, – бубнили они, обсуждая свои дальнейшие действия. – Бу-бу-бу. Гу-гу-гу».

Разобрать отдельные слова было невозможно. Ане казалось, что ее голова постепенно заполняется водой, как затонувший батискаф. Стараясь не думать о всякой подводной живности, пробующей на вкус ее кожу, девушка зажмурилась. Под ее ягодицами копошилась какая-то маленькая юркая тварь, упорно намеревающаяся выбраться из ила. Аня едва не перекусила тростинку, представив себе, как тварь начинает ввинчиваться в ее тело, прокладывая себе путь наверх. Поглощенная неприятными ощущениями, она не сразу заметила, как мужчины двинулись дальше. Но и после их ухода она не решилась вынырнуть, позволив себе лишь слегка сместиться в сторону.

Обретшая свободу рыбешка или лягушка устремилась прочь, наградив Аню своим холодным скользким прикосновением. Больше ничего не происходило. Стало тихо. Ни плеска, ни шороха, ни голосов.

Высунувшись из воды, девушка с облегчением перевела дух, озираясь по сторонам. Вокруг не было ни души. Неуже-

ли опасность миновала?

«Возможно, – насмешливо сказал Ане внутренний голос. – Но советую не забывать, что ты находишься на острове, отрезанном от материка широкой протокой. Ее, конечно, можно переплыть, хотя эта затея может плохо закончиться. А вдруг твои враги приплыли именно с того берега, куда ты доберешься вплавь? И что ты собираешься делать, если очутишься не на большой земле, а всего лишь на очередном безымянном клочке суши?»

«Поплыву дальше», – без колебаний решила Аня.

«Что ж, попытай счастья, – предложил внутренний голос. – Желаю удачи. Смотри только, чтобы тебя не поджарили раньше времени».

«Поджарили?»

«Испекли – какая разница?»

«О чем ты?»

«Разве ты не чувствуешь запах?»

Втянув в себя воздух, Аня завертелась из стороны в сторону, выискивая источник новой опасности. В вечернем воздухе явственно тянуло дымом. Было слышно, как хрустят камыши, жадно пожираемые пламенем. Машина, перемалывающая Анину судьбу, заработала с удвоенной энергией.

* * *

Можно безропотно отдаваться воле волн, а можно плыть

против течения, но рано или поздно ты окажешься именно там, где тебе суждено оказаться по замыслу всевышнего режиссера. У него есть множество способов заполучить нас в нужное время в нужном месте. Одних тащат к неизбежному, как на буксире, других ведут туда за руку, третьих грубо подталкивают, четвертых заманивают обещаниями чего-то прекрасного.

Необитаемый остров в дельте Волги послужил такой приманкой для четверых путешественников, подуставших от многодневного плавания.

Высадившись на берег, они решили, что попали в райские кущи.

– До нас здесь не ступала нога человека! – торжественно провозгласил Макс примерно за шесть часов до смерти.

Ленка, которой было суждено прожить на несколько секунд дольше, скептически возразила:

– Зато сапоги браконьеров тут наверняка ступали, и не раз. Видели затонувшую моторку у берега?

– Человек и браконьер совсем не одно и то же, – возразил Макс.

– Вот именно. Не думаю, что браконьеры встретят нас с распростертыми объятиями. – Ленка деловито поправила лямки купальника. – А что, если мы вторглись на их территорию?

– Тогда пусть сматываются, пока я добрый, – громко заявил Леха, обращаясь не столько к товарищам, сколько к

предполагаемым браконьерам. Для пущей важности он не поленился ударить себя кулаком в грудь, копируя жест самца гориллы, самоутверждающегося в глазах соперников.

«Какой же он все-таки болван, – сердито подумала Аня. – При посторонних геройствует, а наедине со мной только и знает, что рассказывает о пагубном влиянии стероидов на половую потенцию начинающих культуристов. Зачем тогда качаться, хотела бы я знать? Если бицепсы увеличиваются за счет содержимого плавок, то лучше бы настольным теннисом занялся, что ли. Был бы у меня знакомый Кинг-конг, играющий в пинг-понг».

Мысль была забавной, но Аня не улыбнулась.

– Может, поищем другой остров? – предложила она.

Эх, если бы кто-нибудь прислушался к ее рассудительному голосу! Но Ленке срочно приспичило удалять занозу из пальца, а Макс взялся ей помогать, так что отреагировал один Леха, не упустивший удобный повод процитировать любимое стихотворение:

– Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?

– Не кинул, а бросил, – привычно поправил приятеля Макс, разглядывая извлеченную занозу. – *Бросил* в краю родном.

– А я говорю: *кинул*, – так же привычно уперся Леха.

– Бросил!

– Кинул!

– Кидают лохов!

– Родину тоже кидают, за милую душу.

– Детский сад, – вздохнула Ленка.

– Вот именно, – согласилась Аня, оглядываясь на алюминиевую лодку, застывшую на мелководье. Перевернутая вверх днищем, она напоминала выбросившегося на берег дельфина. Это вселяло безотчетную тревогу. Как позже выяснилось, вполне оправданную, но часто ли мы доверяем своей интуиции?

– Тащите вещи на берег, мальчики, – распорядилась Ленка, которой надоело слушать нудные препирательства Макса и Лехи. – Языки чесать потом будете. Сперва надо лагерь разбить.

– Не надо лагерь, – взмолилась Аня. – Не нравится мне ваш остров. Поплыли дальше.

– Не паникуй, подруга, – снисходительно сказал Леха, приобнимая девушку за поникшие плечи. – Я тебя в обиду не дам.

– А меня? – закокетничала Ленка.

– У тебя есть я, – напомнил приосанившийся Макс. Потом покосился на могучие Лехины плечи и добавил: – Бояться нечего. Кто к нам сунется? Нас же четверо, как тех мушкетеров. Один за всех, все за одного.

– Мушкетеров трое было, – авторитетно заявил Леха.

– Четверо, – возразил Макс. – Могу по именам перечислить.

– Хоть по отчествам, мне без разницы. Фильм как называется? «Три мушкетера». – Леха растопырил соответствующее число пальцев. – Три, въезжаешь? Или у тебя с арифметикой плоховато?

– А Д'Артаньяна куда девать? – занервничал Макс.

– В сад запихни своего Д'Артаньяна.

– Да ты хоть книгу читал?

– Книгу твою тоже в сад.

– Эй, полегче! – предупредила Ленка. – Будешь выражаться – схлопочешь.

– А чего я такого сказал, чего сказал? – забубнил Леха, живо припоминая школьные годы, когда подобные угрозы мигом приводились в исполнение. – Ну сад, ну и что? Я, чтоб ты знала, вишневый имел в виду. А ты что подумала?

Пока продолжалась эта беззлобная перепалка, Аня успела успокоиться. Неизвестно, как там обстояли дела у мушкетеров, а их на острове было действительно четверо. Целый отряд, способный постоять за себя. Дружная компания, привыкшая преодолевать трудности.

Установив палатку и заготовив дрова, все вместе отправились осматривать свои временные владения. На узкой песчаной косе, выступающей в море, обнаружили крошечное камышовое озерцо, кишащее красноперками и сазанами. Макс, жевавший на ходу черствый ломоть хлеба, бросил туда жменю крошек, и водная гладь буквально вскипела от обилия жадных рыбьих ртов. Рассудив, что уха на ужин им обес-

печена, путники двинулись дальше.

Уже заканчивая обход территории, периметр которой составлял никак не меньше пяти километров, они столкнулись то ли с невероятно тощим облезлым псом, то ли с шакалом, неведомо как и зачем проникшим на остров.

– А он, мятежный, ищет бури, – не очень кстати продекламировал Леха, – как будто в бурях есть покой!

Дикая собака, не оценившая красоту поэтического слога, поджала хвост и бросилась наутек, сопровождаемая двумя трескучими сороками, увязавшимися за ней следом.

Никакой другой крупной живности на острове замечено не было, зато, пересекая песчаный бархан, маленькая экспедиция натолкнулась на цепочки черепашьих следов, протянувшиеся от воды до берега. Макс немедленно вознамерился угоститься черепашьим супом или хотя бы яйцами, но большинством голосов охоту перенесли на потом.

На потом, которое так и не настало, как выяснилось вскоре. Правда, время у путешественников еще было. Немного, но было.

Они возвратились в лагерь под вечер, когда нестерпимо-яркое сияние солнца сменилось мягко обволакивающим оранжевым светом. От простора, раскинувшегося вокруг, перехватывало дыхание. Солнце казалось неправдоподобно огромным. Его лучи, косо падающие на зеленую воду, разбивались на мириады золотистых бликов, пляшущих по морской ряби. Таинственно шумел камыш. Дым от костра ще-

котал ноздри обещанием долгожданного ужина.

Благостное состояние путешественников было нарушено треском, с которым выломилась из плавней большая утиная стая. Пронесясь над лагерем, утки суетливо падали в дальние камыши. Некоторые из них пролетели прямо над головами, рассекая воздух энергичными взмахами крыльев.

– Такое впечатление, что их кто-то спугнул, – заметил Макс, вглядываясь в заросли.

– Ты и спугнул, – беззаботно сказала Ленка. – У тебя в животе бурчит на всю округу.

– Это отзвуки грома, – пошутил Леха. – Гроза надвигается. Играют волны, ветер свищет, и мачта гнется и скрипит.

Насупившийся Макс не стал вступать в словесную перепалку, а поднес ко рту ложку, приготовившись попробовать похлебку. Он так и замер с губами, вытянутыми трубочкой.

Проследив за направлением его остановившегося взгляда, товарищи увидели еще одного представителя местной фауны. Это был здоровенный, как собака, кот с тонким заостренным хвостом, украшенным черными кольцами. Серо-желтый, на длинных полосатых лапах, он казался ошалевшим от собственной дерзости.

– Упс, – машинально произнесла Ленка, не до конца избавившаяся от девичьих грез о карьере Бритни Спирс.

Заслышав ее голос, кот припал к земле. Выпрыгнув из зарослей на открытое пространство, он явно сделал это не по своей воле, но и возвращаться в камыши почему-то не спе-

шил. Что-то ему там не нравилось. Что-то мешало ему пойти на попятный.

До него было не более тридцати метров. Можно было без труда разглядеть кисточки, которыми заканчивались уши зверя, и острые зубы в его предостерегающе оскаленной пасти.

– Рысь? – спросила Аня таким писклявым голосом, словно от неожиданности помолодела на добрый десяток лет.

– Хаус, – выдохнул оцепеневший Макс.

– House? – изумилась Ленка. – Ты хочешь домой?

– Тебе русским языком сказано: хаус. Камышовый кот.

– А он на нас не бросится? – забеспокоилась Аня.

– Я ему брошусь, – угрожающе пробасил Леха, вооружась тлеющим суком, выхваченным из костра.

Зверь исчез даже раньше, чем осыпались искры потревоженного пламени.

– Обделался, – пренебрежительно заметил Макс, выискивая в траве утерянную ложку. В следующее мгновение он застыл снова, безмолвно тыча пальцем в колышущийся занавес камышей. Ложка так и осталась лежать на земле.

– О… – пролепетала Аня, у которой вдруг онемел язык. – Обо… Оборотень…

С котом действительно произошло нечто непостижимое. Юркнув в заросли, он появился оттуда не только на задних лапах, но и значительно увеличившись в размерах. Следом, как из-под земли, выросли еще две идентичные фигуры. Вы-

прямившись во весь рост, они держали в передних лапах короткие автоматы.

– В чем дело? – рявкнул Леха, первым сообразивший, что видит перед собой не оборотней, а обычных людей, одетых в одинаковые гидрокостюмы, имитирующие окраску камышовых котов.

Кому из четверых не хотелось выяснять, в чем дело, так это Ане, у которой давно дрожали поджилки. Взвизгнув, она вскочила на ноги и попятилась. Леха, наоборот, шагнул вперед, вскинув свою тлеющую дубинку.

– Кто вы такие, мать-перемать? – спросил он. – Что вам тут, мать-перемать, надо?

Короткая очередь, ударившая из игрушечного с виду автомата, прозвучала совершенно буднично. Будто старомодная швейная машинка прострекотала. Или дробь дятла донеслась из рощи.

– Ты что наделал, мудила? – воскликнул пошатнувшийся Леха.

Не получив ответа, он недоуменно смотрел на свои растопыренные пальцы, которыми прикоснулся к груди. Пальцы были красными.

Как только до Ани дошло, что это не краска, а кровь, она крутнулась на месте и помчалась вдоль берега, не обращая внимания на колючки, впивающиеся в босые пятки.

Ра-та-та-та-та!

Мужчины в серо-желтых гидрокостюмах открыли огонь

из трех стволов одновременно. Споткнувшаяся Аня растянулась на песке, напряженно прислушиваясь к разбойничьему посвисту над головой. Пули, предназначавшиеся ей, прошили воздух и улетели куда-то в кусты. Максу, оставшемуся сидеть у костра, повезло меньше, вернее, совсем не повезло. На его голой груди появился росчерк, составленный из четырех вишневых клякс. Обрушившись лицом в огонь, он больше не пошевелился. Дым над костром сменил голубоватый цвет на сизый и повалил гуще.

Потом на земле оказались Леха и Ленка. У них это вышло синхронно, словно они решили изобразить какую-то странную пантомиму. Только Леха Рябинин рухнул навзничь, картинно разбросав руки, а Ленка свалилась ничком, очень некрасиво и неуклюже. Никакая актриса, снимающаяся в роли убитой, не позволила бы себе такое бездарное падение. Сделав неудачный дубль, актриса непременно переделывала бы сцену снова и снова, добиваясь кинематографической зрелищности. У Ленки такой возможности не было. Она упала и умерла. Бесповоротно и окончательно.

К Аниному счастью, автоматчики в гидрокостюмах не сразу обратили на нее внимание, сочтя убитой или тяжело раненной. Пока они расхаживали возле костра, делая контрольные выстрелы в головы Аниных товарищей, она быстро-быстро поползла на четвереньках в сторону зарослей, а как только прибрежный песок взрыхлила запоздалая очередь, кинулась наутек со всех ног, преодолев открытое про-

странство чуть ли не со скоростью посланных вдогонку пуль.

Они ее не настигли…

С тех пор прошла целая вечность, а девушка по-прежнему была жива, хотя радоваться было нечему. Дым, стелющийся над водой, делался все гуще, сквозь камыши проглядывали оранжевые языки пламени. В небе носились десятки переполошенных птиц, согнанных с насиженных мест. Если бы не их истошные крики, вечер можно было бы назвать тихим.

Солнце медленно тонуло в сиреневых облаках. Ветер стих. Стеклянно застыла вода. Только пожар буйствовал все сильнее, подбираясь к дрожащей в воде девушке. Если она о чем-то жалела, то о том, что не осталась рядом со своими товарищами, которые погибли страшной, но мгновенной смертью.

Кажется, она плакала, но слезы высыхали раньше, чем успевали скатываться по Аниным щекам. Становилось жарко. Слишком жарко для современной городской девушки, всегда полагавшей, что выражение «адское пекло» – это лишь метафора. Оказалось, что пекло существует на самом деле. Прямо на планете Земля, населенной вроде бы не исчадиями ада, а самыми обыкновенными людьми.

Глава 2
Настоящий полковник

Лето обрушилось на Москву под громогласную шумиху грозы, промчавшейся сначала с севера на юго-запад, а потом обратно. Отблески молний напоминали непрерывное сверкание фотовспышек, как если бы где-то там наверху проходила презентация грандиозного небесного блокбастера о грядущем Всемирном потопе.

Внизу творилось что-то невообразимое. Ледяные плети дождя беспощадно стегали тысячи застигнутых врасплох прохожих. Те испуганно жались к домам, стоя по щиколотку в бурлящих потоках, запрудивших улицы. Шквальный ветер выворачивал зонты наизнанку, неистово раскачивал деревья и норовил выдавить оконные стекла, обрушиваясь на них с яростью дикого зверя. Вода, хлещущая из водосточных труб, пенилась, словно хлопья, упавшие со взмыленных лошадей.

Грохотало, сверкало, лило. Если бы именно в этот день объявили о конце света, москвичи не слишком бы обрадовались, но и не удивились. Очень уж грозным было это светопреставление, случившееся первого июня.

В такую собачью погоду ни один здравомыслящий человек не выбрался бы из дома по собственной воле, но почти у каждого было множество причин, не позволяющих отси-

живаться в тепле и уюте. Что касается начальника оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ России, то у него таких причин имелось столько, что без калькулятора не сосчитать. Поэтому ему было достаточно одной. Она была старомодной и называлась чувством долга.

Прежде чем выбраться из черной «Волги», полковник Роднин пригладил белый пух, росший у него на голове вместо волос, и сказал водителю:

– Сегодня ты мне больше не понадобишься, Семен, так что можешь быть свободен. Завтра утром подъедешь, как обычно, без пятнадцати семь.

– А как же вы, Василий Степанович? – насторожился водитель.

– Ты о чем? – поднял брови Роднин.

– Погода-то собачья. Куда вы без машины? Как домой доберетесь?

– На метро, Семен, на метро.

– А гроза?

– К вечеру закончится.

Роднин уже распахнул дверцу и приготовился ступить в лужу, когда водитель позволил себе вольность, немыслимую в отношениях между подчиненным и начальником.

– Вы как знаете, Василий Степанович, а только я вас все равно ждать буду, – пробурчал он, полируя ладонью рулевое колесо.

– С чего ты взял, что можешь игнорировать мои распоряжения? – недобро удивился Роднин.

– Так промокнете же, – воскликнул водитель. – Не мальчик небось, чтобы под дождем бегать.

– Не сахарный, не растаю.

– Не растаете, так простудитесь!

– А-атставить разговоры! – прикрикнул Роднин. – Я не о твоем здоровье забочусь, а о своем, заруби это себе на носу, Семен. Думаешь, я не заметил, как ты всю дорогу сопли туда-сюда гонял? Заразить меня решил, террорист гриппозный? Не выйдет! – Роднин снова приготовился выбраться из машины, но еще раз задержался, сочтя необходимым предупредить: – И учти, если вздумаешь лечиться народными средствами, то не переусердствуй. Я запах перегара за километр чую.

– Знаю, – шмыгнул носом водитель. – Только вы, Василий Степанович, могли бы про народные средства не напоминать. Обидно даже. Мы ж не первый год вместе работаем.

Вместе работаем!.. Не всякий прапорщик отважился бы сказать такое полковнику, и не всякий полковник отреагировал бы на подобные слова так, как отреагировал Роднин. А сделал он вот что: обернувшись, шутливо ткнул его кулаком в бок и, ухмыльнувшись, сказал:

– Вот именно. Я тебя как облупленного знаю, Семен, так что можешь не изображать оскорбленную невинность.

Водитель открыл рот, чтобы возразить, но Роднин не стал

его слушать, а лишь бросил напоследок «бывай» и вылез из «Волги» под проливной дождь. Зонтика у него отродясь не было, а бегать рысцой на глазах у подчиненного полковник счел ниже своего достоинства, поэтому его любимый синий костюм успел изрядно потемнеть, прежде чем Роднин скрылся в дверях служебного входа управления. И только потом водитель уважительно покачал головой и пробормотал:

– Да, вот человек так человек! О своем здоровье он заботится, как же! Жаль, таких нынче мало осталось. Измельчал народ. Доперестраивались, ёлы-палы.

* * *

Полковник Роднин не услышал этой лестной характеристики. Он вообще забыл о существовании персонального водителя. Слишком много забот было у главного опера УКРО, чтобы придавать значение подобным мелочам. Стержнем, вокруг которого вращалась его жизнь, являлась Лубянка.

Не так давно из штаб-квартиры ФСБ съехал Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, но просторней в старом здании не стало. Более того, стремительно разрастающемуся центральному аппарату делалось все теснее в знаменитом желтом доме на Лубянке. В отличие от британской МИ-6, весь штат которой ютился под одной крышей, ФСБ была по-настоящему грандиозной структурой. В советские времена чекисты, помимо комплекса строений

на площади Дзержинского, занимали множество особнячков на Садовом кольце, здания на проспекте Сахарова, на Кутузовском, имели в своем распоряжении этаж в гостинице «Пекин». Потом все это было разворовано, отсужено, приватизировано или просто угроблено под улюлюканье прессы. Заклейменный позором Комитет государственной безопасности долгое время существовал чуть ли не на птичьих правах, отбиваясь от бесконечных нападок так называемых приверженцев демократии.

Но пришло отрезвление, и россияне начали мало-помалу осознавать, что демократия – это все-таки *власть*, власть *демоса*, то есть *народа*, а не засилье горстки олигархов, пустобрехов и сексуальных извращенцев всех мастей. Вдруг вспомнилось, что свобода заключается вовсе не в безнаказанности наглых мира сего, что ослабление государства порождает диктат совсем другого рода – диктат доллара, при котором хорошо живется лишь тем, кто отсиживается за неприступными стенами дворцов.

Когда настало время чистить авгиевы конюшни, выяснилось, что за годы беззакония Россия загажена по самые маковки церковных куполов. Бандиты, наркодилеры, торговцы живым товаром, оборотни в погонах, приватизаторы и террористы заполонили страну. Их несметные полчища наносили урон куда более страшный, чем орды татаро-монгольских завоевателей. Свою лепту в разграбление великой державы вносили и агенты спецслужб иностранных государств.

Доверительные отношения, установленные руководством ФСБ с коллегами из ЦРУ и ФБР, не мешали последним плести шпионские сети, охватывающие всю страну от Москвы до самых до окраин. Всего же на территории Российской Федерации действовали представители 87 спецслужб из 62 государств. Более того, как только в стране началась нормализация политической и экономической ситуации, враги резко активизировались. Только за минувший год сотрудниками ФСБ была пресечена деятельность 165 кадровых сотрудников западных или прозападных спецслужб, а также попытки примерно сотни российских граждан передать иностранцам сведения, составляющие государственную тайну.

Особенно усердствовали американские и английские рыцари плаща и кинжала, образовавшие нечто вроде военного альянса. Плащи у них были изрядно замараны, но кинжалы по-прежнему отточены и смазаны смертельным ядом. Как ЦРУ, так и МИ-6 после развала СССР были вынуждены идти на всяческие подлости, чтобы избегнуть сокращения финансирования. Их главными козырями стали международный терроризм и «красная мафия». Утверждая, что русские тайно снабжают оружием массового поражения страны-агрессоры типа Ирана, Ирака и Ливии, разведчикам удалось убедить наивных налогоплательщиков в том, что без ЦРУ и МИ-6 западной цивилизации настанет немедленный кирдык, капут и каюк, вместе взятые.

Сотрудникам ФСБ, которых слишком долго держали в

черном теле и на коротком поводке, пришлось несладко. Тогда как у чекистов не хватало средств на приобретение элементарных компьютеров или телефонов, англосаксы ворочали колоссальными суммами, компенсируя нехватку интеллекта и личного мужества наличием долларов и кредитных карточек. Особенно много завербованных и подкупленных россиян было среди журналистов, телеведущих и обозревателей, научившихся манипулировать информацией с ловкостью вокзальных наперсточников. По данным ФСБ, годовой доход некоторых зашкаливал за миллион долларов, и платили им, естественно, не за красивые честные глаза, а за хорошо подвешенные языки, которыми иные «аналитики» владели не хуже приверженцев орального секса.

Услуги предателей оплачивались щедро. Иуда со своими тридцатью сребрениками удавился бы не один раз, а трижды, знай он, какие благодатные времена наступят через два тысячелетия после Рождества Христова. Зарубежные счета изменников Родины ломились от долларовой халявы, они числились членами правлений совместных предприятий, их детишки бесплатно учились в Итоне, им беспрестанно подкидывали различные премии или субсидии, выплачиваемые от имени солидных общественно-политических фондов.

Работать в таких условиях было не только сложно, но и противно. Порой Роднину казалось, что этой неравной борьбе не будет конца, и тогда он обдумывал текст рапорта об отставке, но всякий раз инстинкты старого служебного пса по-

могали превозмочь апатию. Уж слишком много волков развелось в матушке-России, уж слишком нагло они вели себя, чтобы безропотно терпеть их присутствие. Роднин на дух не переносил всю эту сволочь, рядящуюся в овечьи шкуры правозащитников, инвесторов, радетелей и благодетелей, дабы было сподручней урывать лучшие куски. Мораторий на смертную казнь представлялся полковнику таким же нонсенсом, как запрет на отстрел хищников, терроризирующих мирных граждан. Будь его воля, коридоров в российских тюрьмах стало бы значительно больше. Тех самых коридоров, которые заканчиваются стенкой.

* * *

Вошедший в приемную Роднин был мрачнее тучи. Алтынникова, его личная секретарша, моментально почувствовала, что шеф не в духе, и, здороваясь, воздержалась от приветливой улыбки. Сотрудников оперативного отдела обучали многому, но только не светским манерам. На невинный вопрос: «Как дела?» – вполне можно было услышать: «Спасибо, херово», а какой женщине такое понравится? Алтынникова в точности не знала, как именно прореагирует полковник на улыбчивое «здравствуйте», однако подозревала, что ничего хорошего из этого не получится. Поэтому она решила ограничиться официальным:

– Доброе утро, Василий Степанович.

– Здравствуйте, Светлана Афанасьевна, – буркнул Роднин, прежде чем скрыться в кабинете.

Переведя дух, Алтынникова мысленно похвалила себя за осмотрительность. Шеф обращался к ней по имени-отчеству исключительно в минуты сильнейшего раздражения. Ведь Алтынниковой только-только исполнилось сорок, хотя она была совершенно седая. Однажды после излишне активного отдыха на лыжном курорте ей пришлось перенести трепанацию черепа, а когда сбритые волосы отросли, они оказались уже не светлыми, а белыми. Сначала Алтынникова комплексовала по этому поводу, но потом внушила себе, что серебристые локоны придают ей неповторимое очарование и молодят ее лучше всяких патентованных средств.

Поправляя кончиками пальцев прическу, она подумала, что кому-то сегодня здорово влетит от шефа и что оказаться на месте этого кого-то ей вовсе не хочется.

Между тем уединившийся в кабинете Роднин выглядел не столько сердитым, сколько усталым. Повесив промокший пиджак на спинку кресла, он извлек из сейфа початую бутылку болгарской «Плиски», махнул залпом полстакана и, крякнув, пояснил то ли себе самому, то ли неведомым наблюдателям:

– Для профилактики.

Обычно полковник не разрешал себе таких вольностей, но очень уж ему не хотелось слечь в постель с простудой. Отвары, микстуры, таблетки, растирки, припарки – от одной мыс-

ли о всей этой фармацевтической канители у Роднина начиналась легкая форма истерии. Уж лучше алкоголь с утра, чем горячее молоко с содой вечером.

Усевшись в кресло, Роднин посидел неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям. Коньяк бодро растекался по жилам, согревая кровь и желудок, но голова, до которой он пока не добрался, по-прежнему побаливала. Не стоило засиживаться до часу ночи перед телевизором. Но нарушить режим уговорил внук, а Роднин не умел отказывать ему ни в чем. Вот и пришлось смотреть «суперский» боевик про «суперского» шпиона, разъезжающего по заснеженной Сибири в «суперском» авто, оснащенном сотовым факсом, голосовой электронной почтой и баром, в котором хранились охлажденная бутылка шампанского и пара фужеров. Нечего и говорить, что подружка у шпиона тоже была «суперская» – русская дикарка Ксюша Онатопп. Вместо того, чтобы сгорать от стыда за свою дурацкую фамилию, красотка Ксюша гарцевала на экране во всевозможных провокационных нарядах и сыпала загадочными славянскими ругательствами типа «хлибожлер».

И вот результат: прежде чем приняться за дела, полковник Роднин был вынужден взбодриться «Плиской», а потом еще долго массировать виски, дожидаясь, пока пройдет отупляющая боль.

Наконец придя в норму, он нажал кнопку интерфона и распорядился:

– Соедините меня с Центральной поликлиникой, Ксюша. Попросите к телефону подполковника Молоняна.

– Слушаюсь, Василий Степанович, только я не Ксюша, а Светлана, – откликнулась Алтынникова.

Динамик громкоговорящей связи завибрировал от обиды.

– Извините, Светлана Афанасьевна, – смущенно кашлянул Роднин. – Совсем зарапортовался. Вчера работал допоздна, а после бессонной ночи, сами знаете, как башка варит.

Ответом было неопределенное хмыканье. По всей видимости, Алтынникова давала понять, что лично у нее на плечах находится голова, а не башка. И что эта симпатичная голова соображает всегда одинаково хорошо, вне зависимости от самочувствия.

– Еще какие-нибудь распоряжения, Василий Степанович? – без энтузиазма осведомилась она.

– Поищите-ка в энциклопедии слово «хлибожлер», – неожиданно для себя попросил Роднин. – Хочу выяснить, что оно означает.

– Хли?..

– Хлибожлер.

– Странное слово, – пробормотала Алтынникова.

– Вот и я говорю.

– Где вы его слышали?

– Не важно.

Крайне недовольный собой, Роднин отключился от при-

емной и придвинул к себе папку с входящими документами. Ничего важного в ней не оказалось, как и следовало ожидать. Случись что-нибудь экстраординарное, Роднина проинформировали бы об этом в любое время суток. И тогда ему не позволили бы торчать перед телевизором, любуясь прелестями Ксюши Онатопп.

Листая бумаги и стараясь избавиться от навязчивого словечка «хлибожлер», засевшего в мозгу, как заноза, Роднин услышал приглушенный звонок телефона.

– На проводе подполковник Молонян, – бесстрастно доложила Алтынникова. – Говорите, Карен Арутюнович.

– Здравствуй, дорогой, – прогудел Молонян, когда секретарша отключилась. – Рад тебя слышать. Чем могу быть полезен?

Роднин поморщился. Причиной тому был отнюдь не неистребимый армянский акцент собеседника и даже не южная витиеватость его речи, а чересчур задушевный стиль общения, навязываемый подполковником медицинской службы всем и каждому. Поговаривали, что однажды Молонян даже самого начальника Департамента контрразведки ФСБ назвал «дорогим», хотя это казалось маловероятным. Зная нрав генерал-полковника Молотова, можно было предположить, что подобное нарушение субординации закончилось бы не просто выговором, а разжалованием или отставкой. Тем не менее Молонян занимал прежнюю должность и общался со старшим по званию так, как если бы они находились не на

рабочих местах, а за праздничным столом.

– Хочу проконсультироваться с вами, Карен Арутюнович, – сухо начал Роднин. – Вы можете уделить мне пять минут?

– Зачем пять? – возмутился Молонян. – Пятьдесят пять, если понадобится. Сто пятьдесят пять! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, дорогой. Все для тебя сделаю, в лепешку расшибусь.

– В лепешку не надо, Карен Арутюнович.

– Слушаю, – поскучнел Молонян, почувствовав дистанцию, упорно сохраняемую собеседником.

– Меня интересует состояние здоровья одного из моих сотрудников, – продолжал Роднин прежним официальным тоном. – Я имею в виду капитана Бондаря.

– Разве вы не получили результатов медицинского освидетельствования? – удивился Молонян. Необходимость перейти на «вы» подействовала на него удручающе. Он поскучнел, как человек, который собирался произнести отличный тост, а вместо этого был вынужден рассказывать что-то абсолютно ему не интересное.

– Медицинское заключение у меня на столе. – Для убедительности Роднин похлопал ладонью по оперативной сводке МВД, которую изучал до начала разговора. – Но я плохо разбираюсь в вашей терминологии.

– Нормальная терминология, – заверил полковника разобидевшийся Молонян. – Общепринятая.

– Еще хуже я разбираю почерк, каким написано заключение. Скажите, Карен Арутюнович, почему врачи непременно пишут как курица лапой?

– Между прочим, заключение составлял я, – вспылил Молонян. – У меня очень разборчивый почерк. Вы какие очки носите?

– Я не ношу очков, – сказал Роднин.

– Это плохо. Не пора ли наведаться к нам в больницу? У нас первоклассные окулисты.

– Спасибо за заботу, Карен Арутюнович, но собственное здоровье меня вполне устраивает. Меня беспокоит состояние здоровья Бондаря.

Последовала короткая пауза, на протяжении которой Молонян шумно сопел в трубку, решая, стоит ли идти навстречу педанту с Лубянки. Врожденная покладистость вкупе с говорливостью не позволили ему ответить на просьбу отказом.

– Физически капитан в отличной форме, – сказал он. – Серьезных ранений у него не было, а гематомы и ссадины давно рассосались. По правде говоря, парень легко отделался. Но…

– Но? – нетерпеливо произнес Роднин.

– Если вы намереваетесь поручить Бондарю какое-то ответственное задание, то я бы вам посоветовал повременить. Парню здорово досталось в Эстонии. На нем живого места не было.

– Он служит в Федеральной службе безопасности, а не в

думском комитете по защите предпринимательской деятельности, – отрезал Роднин. – Вы так и не сказали, он здоров или нет?

– Сложный вопрос, – вздохнул Молонян. – Капитан оказался невероятно выносливым, тем не менее всему есть предел. Шкала для измерения страданий еще не придумана, но, считаю, Бондарь получил по максимуму. Ему нужен длительный отдых, вот мое мнение. Если бы вы эксплуатировали таким образом машины, а не людей, то вам пришлось бы ходить пешком.

– Ладно, ладно, – проворчал Роднин, скрывая смущение. – Никто не собирается требовать от Бондаря невозможного. Напротив, я хочу предоставить ему что-то вроде отпуска.

– *Что-то вроде отпуска!* – откликнулся Молонян язвительным эхо. – Так я и думал. Почему бы не дать парню отдохнуть по-настоящему? Людей нельзя заставлять работать на износ. Возможности человеческого организма ограничены. Каждому из нас требуется время для восстановления сил. Капитан Бондарь не исключение.

– Хотите сказать, что его пора комиссовать по состоянию здоровья?

– Я говорю лишь о полноценном отдыхе.

– Капитан Бондарь, – отчеканил Роднин, – отгулял свой очередной отпуск еще в феврале, так что санаторий ему не светит. Единственное, что я могу для него сделать, так это

уменьшить ему нагрузку.

– Где-то я недавно вычитал, – сказал Молонян, – что мужество – как сексуальная потенция: чем больше расходуешь, тем больше остается. Но в один прекрасный день – фьють, и ты остаешься ни с чем. Отмеренный природой лимит закончился. – Голос Молоняна преисполнился грусти.

– Лимит мужества или потенции? – озабоченно поинтересовался Роднин.

– Зачастую это одно и то же.

– Не знаю, как насчет потенции, а возможность поберечь мужество я Бондарю предоставлю, – пообещал Роднин. – Отправлю его погреться на солнышке.

– Надеюсь, не на Балтийское взморье? – спросил Молонян со значением.

Как и многие в ФСБ, он был наслышан о недавних событиях в Эстонии. После командировки Бондаря в курортный городок Пярну фактически прекратила свое существование тамошняя фашистская организация, действовавшая под эгидой западных спецслужб. Лучше всех об этом был осведомлен полковник Роднин, голос которого приобрел сладчайшую интонацию.

– В Прибалтике нам пока делать нечего, – сказал он. – Обстановка там за последнее время нормализовалась.

– Приятно слышать, – искренне обрадовался Молонян. – А то даже обидно, честное слово. Какие-то там эстонцы о реванше мечтают. Совсем обнаглели, слушай!

– Их привели в чувство, – коротко ответил Роднин. Заподозрив, что увлекшийся собеседник вот-вот вернется к панибратской манере общения, он поспешил попрощаться, еще раз пообещав не подвергать Бондаря чрезмерным испытаниям.

Это было сказано совершенно искренне, но, как известно, человек предполагает, а бог располагает.

Тогда как дьявол вносит в их сложные отношения еще большую неразбериху.

Глава 3
От Лубянки до Каспия

Сообщение Алтынниковой о том, что слово «хлибожлер» не значится ни в энциклопедии, ни в Интернете, не улучшило настроение Роднина. Заявив, что в одиннадцать ноль-ноль капитан Бондарь должен явиться в его кабинет, полковник включил компьютер. Его пальцы становились довольно неуклюжими, когда приходилось нажимать клавиши, поэтому он не слишком любил просматривать электронные версии документов, но делать было нечего. Все больше и больше оперативной информации ФСБ хранилось в памяти компьютеров, так что приходилось идти в ногу со временем.

До недавнего времени сотрудники Федеральной службы безопасности могли лишь завидовать своим иностранным коллегам, пользовавшимся новейшими достижениями науки и техники. Их телекоммуникационные системы охватывали всю планету, включая Россию. Без надлежащего финансирования угнаться за ними было невозможно. Даже теперь, когда положение дел поправилось, чекисты испытывали постоянную нехватку программистов и спецтехники.

Между тем в базах данных ФСБ хранилось несметное количество важнейшей информации. Компьютерная система, к которой подключился Роднин, называлась ОБС СНГ –

Объединенный банк сведений спецслужб СНГ. Запущенная в действие в 1997 году, система состояла из пятнадцати терминалов, размещенных в столицах бывших союзных республик. Центральный сервер находился в Москве. Он функционировал в открытом и закрытом режимах. Если в первом обрабатывалась и хранилась информация из средств массовой информации, то допуск к работе во втором режиме позволял пользоваться данными всех спецслужб без исключения. Нечего и говорить, что у полковника Роднина такой допуск имелся. Благодаря этому он чувствовал себя могущественным чародеем, для которого не существует тайн в прошлом, настоящем и будущем. Киношпионам с их чудо-автомобилями такие возможности даже не снились.

– Вот вам и хлибожлер, – рассеянно пробормотал Роднин, открывая последнее заключение аналитиков по поводу распространения наркотиков в России.

Главный поток героина по-прежнему шел из Афганистана. Счет шел на тысячи тонн. Крупные мафиози ввозили порошок грузовиками и самолетами, но, как это ни парадоксально, основная часть наркотиков проникала через границу вместе с жалкими на вид оборванцами. Тайники делались в лепешках, тюрбанах, подошвах, даже в переплетах священного Корана. Потому что на самом деле ничего святого для наркоторговцев не было. Они молились Его Зеленому Величеству Бенджамину Франклину со стодолларовой купюры. Его перекошенный бабий лик так и просился на знамя опи-

умной империи Усамы Бен Ладена с десятью миллионами подданных.

Аллах акбар! Воистину акбар!

Еще в конце 1998 года сотрудники ФСБ предупреждали мир, что Осама намерен взять под контроль весь афганский наркобизнес, но к их голосу не прислушались, вернее, не захотели прислушаться. Начало третьего тысячелетия ознаменовалось невиданным доселе разгулом международного терроризма, существующего как раз за счет маковых плантаций.

Афганистан превратился в страну наркоманов, где детям с младенческого возраста смазывают губы опиумом, чтобы крепче спали. За четверть века бесконечных войн было разрушено две трети городов и деревень, пришли в запустение сотни тысяч гектаров пашни, вымер практически весь скот, зато посевы мака увеличивались год от года. «Талибан» и Бен Ладен образовали своеобразный картель. Талибы отвечали за производство наркотиков, а террорист номер один и его организация «Аль-Каида» занимались экспортом и отмыванием вырученных миллиардов.

Тюки с героином Осама придумал погружать в бочки с густым, тягучим медом. Караваны верблюдов перевозили их через границы беспрепятственно, поскольку аромат меда сбивал с толку натасканных ищеек. Сначала рынками сбыта подпольной империи Бен Ладена были маленькие страны Азии, но потом наркоторговцы взялись за Россию и ее ближайших соседей. «Опиум для врагов ислама страшнее бом-

бы», – утверждали талибы и были правы. Героин стал оружием массового поражения куда более грозным, чем гексоген. С его помощью были уничтожены или выведены из строя миллионы молодых россиян в возрасте от четырнадцати до тридцати лет. А война продолжалась. И страна огромная не вставала на смертный бой. Смертельно больная, она могла лишь бессильно наблюдать за тем, как травят ее детей.

Сохраняя в афганских горах посевы мака, героиновые лаборатории, команды перевозчиков и боевиков, невидимая империя Бен Ладена продолжала наносить сокрушительные удары по генофонду России. Сорок тысяч гектаров опиумных плантаций давали достаточно урожая, чтобы террористы не знали недостатка ни в средствах, ни в одурманенных героином смертниках, готовых надеть пояса шахидов.

Перекрыть доступ белой смерти не удавалось. Более того, ситуация только ухудшилась, когда Иран начал отгораживаться от Афганистана глубокими рвами, сторожевыми башнями и колоссальной стеной высотой с пятиэтажный дом. Полтора миллиона иранцев, успевших пристраститься к зелью, остались без порошка, но излишки тут же хлынули в Россию. Очень способствовали этому азербайджанские соседи, наладившие поставки в десятках грузовых фургонов.

В прошлом году российские таможенники и пограничники сумели дать укорот этой нечисти, после чего на азербайджанской границе установилось относительное затишье. Заодно были перекрыты традиционные каналы поставок из Ка-

захстана. Тут же резко сократилось количество наркотиков, поступавших в столицу. Добрая половина московских наркоманов была вынуждена перейти на всевозможные заменители героина. Дьявольский порошок подскочил в цене до рекордной отметки. Так продолжалось несколько месяцев кряду, а потом наркотики снова хлынули в Москву как из рога изобилия. Одновременно возросло количество наркоманов в Астраханской области. Дешевой «дури» здесь появилось столько, что за ней потянулись гонцы со всех концов страны.

Сопоставив два этих факта, аналитики ФСБ сделали вывод, что поставщики героина разработали новый маршрут, перебрасывая партии своего товара через Каспийское море. Теперь версию предстояло подтвердить оперативникам. Требовалось получить образцы астраханского героина, чтобы сравнить его химический состав с порошком, циркулирующим в столице.

На Лубянке не сомневались, что в Астрахани возникло целое производство по переработке афганского опия. Но, прежде чем приступить к ликвидации нового наркосиндиката, следовало получить подтверждение своим догадкам. Только после этого сверху прозвучит долгожданная команда «фас!», позволяющая применять самые жесткие методы борьбы с героиновой мафией. Она-то, может, и бессмертна, а вот работающие на нее подонки не застрахованы от всяких неожиданностей.

И это хорошо, подумал Роднин, это правильно. Взглянув

на часы, он обнаружил, что до назначенного Бондарю времени осталось несколько секунд, и приготовился соединиться с приемной, чтобы выразить свое неудовольствие. Но Алтынникова его опередила.

– Капитан Бондарь прибыл, Василий Степанович, – доложила она.

По тону, каким это было произнесено, чувствовалось, что секретарша неравнодушна к капитану.

– Пусть войдет, – проворчал Роднин, насупившись. Он умел скрывать свои чувства гораздо лучше, чем его личная секретарша.

* * *

Вошедший в кабинет Бондарь натолкнулся на суровый взгляд начальника и ощутил привычный холодок в груди. Он никогда не боялся начальства и тем более не лебезил перед ним, однако полковник Роднин внушал ему уважение, а настоящее уважение не обходится без некоего душевного трепета.

– Капитан Бондарь прибыл по вашему приказанию, товарищ полковник, – отрапортовал он.

– Садись, – кивнул Роднин на стул.

Бондарь расположился перед ним, сохраняя каменное выражение лица. Он взял за правило не проявлять лишних эмоций после трагедии, постигшей его в конце зимы. Тогда его

жена и четырехлетний сын погибли в автокатастрофе, а сам он превратился в подобие зомби, не понимающего, где и зачем он находится. Роднину стоило немалых трудов вывести подчиненного из затяжного ступора, однако тот по-прежнему выглядел отчужденным и погруженным в какие-то свои явно невеселые размышления.

При росте 183 сантиметра и весе 81 килограмм Бондарь казался выше и легче, чем был на самом деле. Тому способствовала его подчеркнуто прямая осанка, развернутые плечи и слегка запавшие щеки. В свои тридцать лет он двигался не так много, как в молодости, когда активно занимался боксом и плаванием, но и сидеть на месте не привык. Достаточно было присмотреться к лицу Бондаря, чтобы понять: этого человека нечасто застанешь валяющимся на диване перед телевизором.

Резко, пожалуй, даже слишком резко очерченная линия губ, прямой взгляд серо-голубых глаз, подбородок, помеченный горизонтальным шрамом, надменно приподнят, брови сведены к переносице. Если бы не беспощадность к себе и окружающим, сквозившая в облике капитана Бондаря, его можно было бы назвать привлекательным. Всегда подтянутый, собранный, настороженный. Прическа – волосок к волоску, с прочерченным, как под линеечку, пробором. Представить себе Бондаря взъерошенным почему-то не получалось, хотя волосы он носил довольно длинные.

Поймав себя на этой мысли, Роднин машинально прошел-

ся ладонью по седому пуху на голове и спросил:

– Как самочувствие, капитан?

– Нормально, – пожал плечами Бондарь, давая понять, что иначе и быть не может.

– Медики утверждают обратное, – заметил Роднин, занявшись перекладыванием бумаг с левой половины стола на правую.

– Они ошибаются.

Бондарь закинул ногу на ногу как человек, чувствующий себя абсолютно уверенно и непринужденно. Его глаза при этом насторожились. Такой взгляд бывает у служебного пса, заподозрившего, что хозяин вознамерился обойтись с ним не самым лучшим образом.

– Ошибаются, значит, – пробормотал Роднин, уставившись на аккуратную стопку бумаг, которую он успел соорудить за время паузы в разговоре. Не зная, чем бы еще занять выложенные на стол руки, он попросту переплел пальцы.

Бондарь молчал. Он знал, что подразумевает полковник. В минувшем феврале ему был поручен поиск организаторов теракта в московском клубе «Приход», и организаторы были найдены, хотя показания дать не смогли, разве что на Страшном суде. Сразу после этого Бондаря отправили в Эстонию, где жил бывший советский ученый, изобретший уникальное оружие массового поражения. Охотясь за профессором и его записками, Бондарь с напарницей Верой Савич сами стали добычей эсэсовской организации «Лига борцов за свободу

Эстонии». В конечном итоге обоим удалось не только вырваться из плена, но и поквитаться с врагами, правда, ценой неимоверных лишений. Психологическое давление, голод, пытки – им здорово досталось.

Когда Бондарь и Вера возвратились в Москву, на них живого места не было. Хотя капитан быстро восстановил прежнюю физическую форму, медицинское освидетельствование гласило, что его психическое состояние оставляет желать лучшего. Ничего удивительного. Было бы странно, если бы испытания, выпавшие Бондарю за последние полгода, никак не отразились бы на его нервной системе.

И теперь, предвидя неприятный разговор о переводе на какую-нибудь непыльную работу в другом отделе, он заранее ненавидел полковника Роднина. Человека, которому привык безоговорочно доверять, которого если не боготворил, то уважал, как способен один сильный мужчина уважать другого.

В течение долгих недель, пока Бондаря таскали по больничным кабинетам и вся его трудовая деятельность заключалась в составлении отчетной документации, он думал только о том дне, когда снова сядет напротив полковника и услышит от него подробности нового дела. Это означало бы, что он опять стал полноценным человеком, во всяком случае, так представлялось Бондарю. Мысль о том, что ему будет предложено и впредь заниматься сугубо бумажной работой, была для него невыносима. Он твердо решил, что лучше подаст

в отставку, чем переквалифицируется в чиновника с удостоверением сотрудника ФСБ.

«Эх, надо было заранее накатать рапорт, – сокрушался Бондарь, ожидая продолжения. – С таким козырем на руках я чувствовал бы себя увереннее».

Поза его делалась все более непринужденной, почти развязной. Покачивая заброшенной на колено ногой, он уже намеревался попросить позволения закурить, когда Роднин соизволил нарушить затянувшееся молчание:

– Боюсь, тебе не понравится то, что ты сейчас услышишь, капитан.

– Я вам не девица красная, чтобы мне непременно угождать, – дерзко произнес Бондарь. – Говорите как есть. Совсем не обязательно ходить вокруг да около.

Роднин хмыкнул, осуждающе сузив глаза, в которых не угадывалось ни малейшего намека на приязнь или снисходительность.

«Ну, чего ты тянешь, старый лис? – мысленно спросил его Бондарь. – Валяй, выкладывай начистоту. Зачем ты меня вызвал? Собираешься сообщить, что ввиду изменений политических отношений между Россией и Эстонией меня велено с треском выгнать из органов? Или у тебя заготовлен приказ о назначении меня первым помощником младшего писаря при расформированном архиве НКВД? Давай, полковник, действуй. Покажи мне кузькину мать».

– Красные девицы, – пророкотал Роднин, – по улицам

шляются. – Он показал большим пальцем на мокрое от дождя окно, за которым вряд ли наблюдались гуляющие. – А передо мной сидит мой распоясавшийся вконец подчиненный. Сегодня он ножкой в кабинете начальства болтает, завтра, глядишь, дымить начнет без разрешения. – Роднин откинулся на спинку кресла, как бы желая получше рассмотреть Бондаря. – Так?

Тот неохотно обронил:

– Нет.

– Тогда в чем дело? Что за вальяжная поза?

Властный тон Роднина подействовал на Бондаря как холодный душ. Вступление не сулило ничего хорошего. Именно поэтому Бондарь вспылил:

– Если вы прикажете мне встать по стойке «смирно», – тихо произнес он, – я встану и вытяну руки по швам. Но мне было предложено сесть, и я сижу. Если я в чем-то провинился, то так и скажите. Но предупреждаю: глотать архивную пыль я не согласен. Кабинетный работник из меня никудышный, товарищ полковник.

Роднин резко подался вперед, словно собираясь боднуть упрямца.

– Это совпадает с моим мнением, – проговорил он обманчиво мягким голосом.

* * *

Несмотря на то, что время близилось к полудню, за окном заметно потемнело. В это было трудно поверить, но погода продолжала ухудшаться. Роднин включил настольную лампу, встал, надел просохший пиджак и принялся старательно застегивать пуговицы, словно не было для него занятия более важного и ответственного.

Бондарь, внутренне похолодев от предчувствия беды, напомнил:

– Вы собирались сказать мне что-то неприятное, товарищ полковник.

Прежде чем ответить, Роднин опустился в кресло, поерзал, усаживаясь поудобнее, и только потом соизволил разжать губы.

– Совершенно верно, – подтвердил он с кислой миной. – Я считаю, что хватит тебе в управлении отсиживаться, капитан. Пора проветриться на свежем воздухе.

– Вы о чем? – не поверил своим ушам Бондарь.

– Разве я не ясно выражаюсь? – Довольный произведенным эффектом, Роднин не удержался от ухмылки. – Понимаю, что ты предпочел бы торчать в Москве, но, увы, покой нам только снится. Завтра утром отправляешься в командировку. Вот так, и никаких гвоздей!

– Василий Степанович!..

– Возражения не принимаются, товарищ капитан.

– Какие могут быть возражения? – воскликнул Бондарь, проявляя необычное для него оживление.

– Вот именно, – строго произнес Роднин, продолжая наслаждаться ситуацией. Видеть искреннюю радость на лице Бондаря было все равно что стать свидетелем проявлений нежных чувств матерого волка.

– А я, признаться, думал… – Не договорив, Бондарь покачал головой.

– Что? – поднял брови Роднин.

– Что вы решили отстранить меня от оперативной работы.

– Понадобится – отстраню, не сомневайся.

– Спасибо, товарищ полковник, – с чувством сказал Бондарь.

– За что спасибо? – притворно удивился Роднин. – За то, что отстраню от работы?

– За доверие.

– Ну, доверие еще оправдать нужно.

– Оправдаем!

– Поживем – увидим. Для начала ответь мне на такой вопрос: три тысячи шестьсот тонн – это много или мало?

– Три тыщи шестьсот тонн чего? – насторожился Бондарь.

– Скажем, опиума-сырца, – сказал Роднин, скрестив руки на груди, отчего лацканы его узковатого пиджака некрасиво покоробились.

Если бы он знал, что таким образом выставляет напоказ

разводы соли под рукавами, он не стал бы принимать такую рискованную позу, но в быту полковник был сущим ребенком. Он принадлежал к числу тех мужчин, которые до глубокой старости не умеют самостоятельно повязывать галстук и превращают в уголья любое блюдо, поставленное разогреваться на плиту.

– Опиума? – Бондарь едва подавил желание присвистнуть. – Это же целый железнодорожный состав, а то и два!

– Совершенно верно, – кивнул Роднин. – Обычно из Афганистана в Россию попадает три тысячи тонн наркоты в год, но нынче у пуштунов выдался небывалый урожай. Ты хорошо переносишь жару?

Вопрос прозвучал неожиданно.

– Вы собираетесь отправить меня в Афган? – опешил Бондарь.

– Ближе.

– К таджикам?

– Таджики могут спать спокойно, – усмехнулся Роднин, исподтишка любуясь своим лучшим сотрудником. – Они ни в чем перед тобой не провинились.

– В Азербайджан? – продолжал гадать воспрянувший духом Бондарь. – В Казахстан?

– Тебе когда-нибудь доводилось бывать на Волге?

– Смотря где. Волга большая.

– И впадает она в Каспийское море, – уточнил Роднин, решив, что пора переходить к делу. – В Астрахань поедешь,

капитан. Арбузы, правда, еще не созрели, но места там колоритные. – Он мечтательно причмокнул губами.

– Надеюсь, – произнес Бондарь, – вы посылаете меня не с инспекцией бахчевого хозяйства Астраханской области?

Он улыбнулся, как человек, у которого внезапно заныли зубы. В чувстве юмора у него недостатка не было, но зубоскалить Бондарь не любил. Причиной тому были всевозможные юмористические передачи, заполонившие телеэфир. Завидев на экране, к примеру, Петросяна, Бондарь спешил перескочить на другой канал, а при появлении Ефима Шифрина вообще выключал телевизор. Мужчины, избравшие безудержное хохмачество в качестве профессии, вызывали у него чувство глубочайшего недоумения и досады.

– Что скривился? – насмешливо спросил Роднин, внимательно наблюдавший за подчиненным. – Чем тебе Астрахань не угодила? Нормальный русский город. Областной центр.

– Знаем мы эти областные центры, – откликнулся Бондарь. – Сонное царство. Рай для разомлевших на жаре кур и поддатых велосипедистов. Брага, семечки, старухи на завалинках.

– Ошибаешься, – спокойно возразил Роднин. – Благодаря демократическим преобразованиям общества жизнь в Астрахани бьет ключом. Все как в лучших домах Европы – плутократы-дегенераты, киллеры да наркодилеры. Не соскучишься.

– Хм. И туда, значит, добрались.

– А как же? Да у нас нынче в каждом селе свой мафиози имеется. Плюс бригада. Не обязательно механизированная.

– И что я должен делать в Астрахани? – поинтересовался Бондарь.

– Задание очень ответственное. – В подтверждение своих слов Роднин хлопнул ладонью по крышке стола. – Я хочу, чтобы ты привез оттуда как можно больше чеков.

– Чеков? Что это значит? Я должен буду делать контрольные закупки в тамошних магазинах?

– «Чек» – это разовая порция героина на продажу. Примерно одна четвертая грамма. Стандартная доза.

– *Стандартная*, – с горечью повторил Бондарь. – Дожили.

– Давай без размазываний ностальгических соплей. – Рука полковника вторично опустилась на стол. – Менять можно только настоящее и будущее, но никак не вчерашний день. Что было, то было. Что будет, во многом зависит от нас с тобой. Согласен?

– Не думаю, что привезенные мной «чеки» изменят жизнь к лучшему.

– Ошибаешься, капитан. Президент дал жесткую установку на перекрытие всех каналов поставок наркоты. – Роднин приосанился, будто получил президентский наказ лично, из первых рук. – Эта гадость прет к нам из Афгана через границы с азиатскими республиками, будь они неладны.

– Республики? – спросил Бондарь.

– Границы.

– Для них термин специальный придумали. Прозрачные, мол.

– Вот-вот, – вздохнул Роднин. – Ломать не строить. Похерили погранслужбу, а восстанавливать кто будет? Пушкин?

Бондарь поймал себя на желании напомнить полковнику про «ностальгические сопли», но удержался. Начальство не любит критики в свой адрес. А кто любит?

* * *

Ситуация, вкратце обрисованная Родниным, была тревожной. Киргизы, таджики и казахи, поставляющие афганскую «дурь» в Россию, не желали бросать это прибыльное занятие, поскольку в противном случае были обречены на голодную смерть. У них героин стоил невероятно дешево – например, в Казахстане приобрести дозу можно было за 200 тенге, то есть за 40 рублей.

Мужское население бывших братских республик почти поголовно сидело на игле. Шприц в руках молодых азиатов сделался таким же привычным явлением, как пиала с чаем или сигарета. Курили они, кстати, не простой табачок, а анашу – в паузах между героиновыми «приходами». Кололись без зазрения совести где придется – на лавочке перед правительственными учреждениями, в общественном транспорте, на дорожных обочинах, не говоря уже о квартирах, превратившихся в притоны.

Дети не отставали от взрослых, становясь законченными наркоманами в десятилетнем возрасте. Эпидемия ВИЧ в Среднеазиатском регионе приняла такие угрожающие размеры, что о ней запретили упоминать в прессе, хотя аборигены относились к проблеме с философским спокойствием. Им было безразлично, от чего помирать: от СПИДа ли, от передозировки или просто с голодухи.

– Короче, просвещенный Запад крайне обеспокоен таким положением дел, – заключил Роднин, откашлявшись.

– Неужели? – Правая бровь Бондаря недоверчиво приподнялась.

– А ты думал? Они там на Западе только и ждут, когда нечто подобное начнет происходить в России, тогда как наш народ в большинстве своем все же предпочитает водочку.

– Дань традициям.

– Какие, на хрен, традиции! – раздраженно отмахнулся Роднин. – Все дело в цене. Как только стоимость героина в Центральной России снизится хотя бы до сотни рублей за «чек», пиши пропало. Сейчас же наркоману приходится платить от 250 до 300 рублей, в зависимости от региона. Иначе говоря, в день ему требуется тысяча рэ, а где их взять?

– Известное дело, – пожал плечами Бондарь. – Тянут деньги с родителей, воруют, грабят, подсаживают приятелей, чтобы потом продавать им «дурь». Приобщают к культуре, одним словом. – Он поднял взгляд на полковника. – А что, в Астрахани отмечено снижение стоимости героина?

– Правильно мыслишь, капитан, – одобрительно хмыкнул Роднин. – Только речь идет не просто о снижении, а о падении цены почти вдвое. Наряду с этим наблюдается резкое увеличение наркодилеров.

– Барыг, – подсказал Бондарь.

– Барыг, – согласился Роднин. – В начале года в Астрахани насчитывалось 36 «ям», то есть точек сбыта героина. Теперь есть основания предполагать, что количество «ям» возросло до ста. О чем это говорит?

– Город стал перевалочной базой.

– Вот! – Полковник вскинул указательный палец, подчеркивая важность сказанного. – Думаю, товар доставляют из Туркмении или Азербайджана – морем. Но мы должны знать это наверняка, чтобы бросить все силы в нужном направлении.

– Выявить точки сбыта и уничтожить к едрене фене, – мечтательно произнес Бондарь.

– Бесполезно. Новые появятся. Очень уж прибыльный бизнес. Себестоимость изготовления одного грамма героина – 14 центов. Тот же грамм в Москве стоит 30–40 долларов. В розничной продаже. На модных тусовках цена доходит до полутора сотен. – Поразмыслив, Роднин счел нужным уточнить: – Хотя элита в основном тащится от кокаина, который стоит раза в три дороже. Нюхнут кокса на пятьсот баксов и давай хвосты распускать. Вон дочурка знаменитого демократа Собчака в космос наладилась, слыхал? – Роднин скри-

вился. – Пятнадцать миллионов долларов готова выложить за путешествие. В переводе на «кокс» – тридцать тысяч понюшек. Красиво жить не запретишь.

– Да пусть они хоть повымрут все, нюхачи сраные, – без обиняков сказал Бондарь. – Нам-то какая от этого печаль?

– Речь не о тусовщиках, а о россиянах в целом. В девяносто восьмом году у нас насчитывалось около полутора миллионов наркоманов, а в двухтысячном их было зарегистрировано в два раза больше. Сегодня эта цифра перевалила уже за шесть с половиной миллионов человек. По официальным данным, которые вряд ли отражают действительность.

– Геометрическая прогрессия, – пробормотал Бондарь. – Хотя какая, к черту, прогрессия, когда такое творится!

– Проникся? – невесело усмехнулся Роднин. – Вот и ладненько. Оформляй командировку, получай деньги в кассе и дуй в Астрахань. Повторяю, нам нужны образцы, чтобы выявить происхождение героина. Проведем анализ, определим, откуда именно его забрасывают в Астрахань.

– Каким образом?

– По химсоставу, по технологии изготовления. Специалисты разберутся.

– А потом?

– А потом народными умельцами займутся специалисты другого профиля, – подмигнул Роднин. – По очистке воздуха на планете.

Бондарь вскинул не одну бровь, а сразу две:

– Вы о чем?

– Меньше народу, больше кислороду.

– Ликвидация?

– Тс-с, я ничего такого не говорил! – Роднин выставил перед собой ладони, как бы отмежевываясь от чересчур смелых выводов подчиненного. – У нас ведь правовое государство, разве ты забыл? Сначала проводится тщательное расследование, потом материалы дела передаются в прокуратуру, потом начинается судебное разбирательство, потом…

Брови Бондаря резко опустились к переносице.

– Потом появляется какой-нибудь шустрый адвокат и, тряся козлиной бородкой, доводит до общественности факты вопиющего нарушения законности. Подозреваемый выходит на свободу и объявляет себя жертвой произвола. Правозащитники со всех концов света спешат протянуть ему руку помощи.

– А вот это не наша с тобой забота, капитан, – строго сказал Роднин. – Время такое. Законность, законность и еще раз законность.

– Законность – это когда государство охраняет жизнь добропорядочных граждан, – возразил Бондарь. – А когда граждан безнаказанно грабят и убивают, а грабители и убийцы находятся под защитой так называемого закона, это полный беспредел.

– Отставить болтовню! – Ладонь полковника шумно впечаталась в полированную поверхность стола. – Если есть во-

просы по существу – задавай. Прения мне тут не нужны. Этим пускай думские краснобаи занимаются, они болтать с утра до вечера горазды. Нам деньги за другое платят. Итак? – Роднин привычно скрестил руки на груди. – Вопросы?

– Мне до сих пор не выдали табельное оружие, – глухо напомнил Бондарь, – взамен утерянного в Эстонии.

– Получишь по возвращении. В Астрахани тебе понадобятся лишь деньги на приобретение героина, смена белья и туалетные принадлежности. Стрельба исключается. Действовать будешь без шума и пыли.

Окончание тирады заставило Бондаря поднять взгляд, словно он ожидал увидеть перед собой не начальника, а незабвенного Папанова в роли Лё лика из «Бриллиантовой руки». Очень уж характерные интонации прорезались в голосе Роднина.

Издевается? Подначивает? Дает понять, что намерен поставить Бондаря в жесткие дисциплинарные рамки?

– Другой бы на твоем месте от восторга прыгал, а ты куксишься, – укоризненно сказал Роднин. – Считай, тебе настоящий отпуск выпал. Неужели не рад?

– Чему тут радоваться? – пожал плечами Бондарь. – Неужели у вас нет для меня поручения посерьезнее? С этим заданием отлично справятся ребята из астраханского управления. Зачем мне выполнять их работу?

– Во-первых, потому что таков мой приказ. Во-вторых, астраханцы не должны знать о том, что у них под носом

шустрит опер с Лубянки.

– Но почему?

– А потому, что у нас нет оснований доверять тамошнему руководству, – отрезал Роднин. – Смотри, что получается. В Астрахани настоящий наркотический бум, а нам не поступило оттуда ни одного тревожного сигнала. Тихо, как в танке. Почему молчат?

– Рыльце в пуху? – догадался Бондарь.

– Рыло, капитан, настоящее свиное рыло. Не знаю, кто именно из руководства УФСБ спускает дело на тормозах, но кто-то этим занимается. Им бы во все колокола бить, а они нам об успешной борьбе с волжскими браконьерами докладывают. – Роднин медленно повел головой из стороны в сторону. – Нет, капитан, нужно самостоятельно во всем разобраться. Никаких контактов с астраханской конторой. Поедешь инкогнито, под видом отдыхающего. Легенду сочини сам, тут особой скрупулезности не требуется. Главное, в ментовку сдуру не попади, а то потом отмазывай тебя… – Роднин встал, опираясь на стол сжатыми в кулаки руками. – Ну, все ясно? У меня дел невпроворот. Куча дел. Вагон и маленькая тележка.

Выпрямившись напротив полковника, Бондарь мрачно обронил:

– Не то что у меня, бездельника.

– Кончай митинговать, капитан. Топай в кассу. Раньше сядешь, раньше выйдешь. Надеюсь, на следующей неделе уви-

димся. И вообще надеюсь… – Сделав многозначительную паузу, Роднин закончил мысль: – На тебя.

– Спасибо за доверие, товарищ полковник, – воскликнул Бондарь, залихватски пристукнув каблуками. – Не посрамлю честь мундира.

– Не можешь без своих штучек? Гляди, однажды не стерплю, накажу, чтобы впредь неповадно было.

– Уже неповадно. Разрешите идти, товарищ полковник?

– Катись-катись, – махнул рукой Роднин. – Шут гороховый.

– Икорочки привезти, Василий Степанович? – вкрадчиво осведомился Бондарь, не спеша покинуть кабинет. В его душе кипела обида. Его, опытного волкодава, отправляют за образцами героиновой «дури», словно с этим заданием не справится любой начинающий опер! Где справедливость? Неужели Бондаря плавно переводят на скамейку запасных?

Глядя в упор на полковника, он заметил, как тот постепенно меняется в лице, все больше походя на человека, находящегося на грани гипертонического криза.

– Ико… – побледневшие губы Роднина не сразу сумели выговорить четырехсложное слово. – Какой икорочки?

– Осетровой, – не унимался оскорбленный в лучших чувствах Бондарь. Он понимал, что переступает опасную черту, но поделать с собой ничего не мог. – Сами сказали: астраханские арбузы еще не поспели. В таком случае лучше гостинца, чем осетровая икра, не сыскать. Героин не в счет, он

ведь для служебного пользования, как я понимаю?

– Вон! – задохнулся Роднин. – С глаз долой! Мальчишка, сопляк! Ты что себе позволяешь? Еще раз повторится подобное – пеняй на себя. Вмиг из органов вышибу. И никаких, понимаешь, гвоздей!

Белый пух на голове полковника вздыбился. Чем-то это напоминало готовый осыпаться одуванчик. Тихо-тихо, чтобы не потревожить наэлектризованный до предела воздух, Бондарь попросил:

– Извините, Василий Степанович. Не хотел обидеть.

– Да пошел ты…

Роднин демонстративно отвернулся к окну. Под кожей на его скулах ходили желваки, словно там находилась пара крепких орешков, которые он вознамерился раскусить во что бы то ни стало.

На душе у Бондаря стало гаже, чем в привокзальном сортире какого-нибудь занюханного райцентра. Понурившись и опустив голову, как пес, сдуру тяпнувший хозяйскую руку, он поплелся к двери, где был остановлен усталым:

– Погоди, Женя.

Это было так не похоже на то, чего можно было ожидать от полковника, что Бондарь едва не споткнулся.

– Да? – спросил он, оглянувшись через плечо.

– Не геройствуй там, прошу тебя, – оттого, что Роднин говорил, продолжая смотреть в окно, голос его звучал глухо. – Мне нужны только образцы астраханского героина и ничего

больше. Пора тебе остепениться. Не собираешься же ты размахивать пистолетом до седых волос? – Полковник машинально провел ладонью по голове. – Войны не выигрывают в одиночку. В одиночку, как правило, умирают.

– И живут, – тихо сказал Бондарь, – некоторые живут в одиночку, Василий Степанович. Точно так же, как умирают.

Ответа не последовало. Что можно было возразить на это? Роднин просто махнул рукой: «иди». К Бондарю он так и не повернулся. Ему не хотелось, чтобы подчиненный увидел выражение его глаз. Оно плохо вязалось с непримиримо стиснутыми челюстями начальника оперативного отдела УКРО ФСБ России.

Глава 4
Морковь и любовь

Представьте себе египетскую танцовщицу, сменившую прозрачные одеяния на застиранную мешковатую футболку, но сохранившую соответствующую прическу и грацию, и вы получите некоторое представление о том, как выглядела Вера Савич, снующая по кухне Бондаря.

Ужин был готов. Осталось сделать поджарку для вареников с картошкой. Сваренные и промасленные, они уже млели в укутанной полотенцем миске, а Вера, ловко постукивая ножом, резала лук. Мать научила ее добавлять в поджарку сало – искромсанное в мелкое крошево, оно готовилось перекочевать на раскаленную сковороду. Горкой лежала на столе тщательно протертая морковь. Время от времени Вера брала ее щепотью и отправляла в рот, мыча то ли от удовольствия, то ли от нежелания обрывать на середине мелодию, которую она напевала.

Небо, как море, раскинулось над головой.
Пенятся в нем облака, словно белый прибой.
И пока
В небе плывут облака
И небосвод голубой —
Мы будем вместе с тобой.

Почему не петь, когда на сердце легко и радостно? Вот уже почти три месяца Вера не ходила, а летала – на крыльях любви. Женя Бондарь оставил ее у себя, чего еще желать? Они были вместе, как мечталось Вере, когда она томилась в эстонской темнице. И пусть Бондарь был скуп на ласки – разве это главное? Нет, конечно. Главное, что он есть, был и будет.

Время несет нас по жизни, как будто река.
Прошлое смутно нам видится издалека.
И пока
Катится эта река
И небосвод голубой —
Мы будем вместе с тобой.

Не сознавая того, Вера улыбалась, хотя в приготовлении ужина не было ничего забавного. Просто настроение было хорошее, вот и все. Кухня блестела чистотой, как выдраенная кают-компания военного корабля, а с минуты на минуту должен был прийти домой человек, ради которого Вера старалась. Чем не повод для радости?

Перемешанная с луком и шкварками морковь отправилась на шипящую сковороду, распространяя восхитительный аромат. Вера знала, что вареники выйдут на славу, потому что главным ингредиентом блюда была вложенная в них любовь. Толченая картошка, поджарка, масло и специи – де-

ло второе, если не третье или даже десятое. Главное, с каким настроением готовишь. Если для того, кто дорог, то все получается как бы само собой. Дело спорится, а ты лишь присутствуешь при этом, мурлыкая себе под нос:

Жизнь коротка, словно строчка на белом листке.
Скоро исчезнем с тобой, как следы на песке.
Но пока
Не оборвалась строка
И небосвод голубой —
Мы будем…

– Вместе с тобой, – пробормотала Вера, окидывая критическим взглядом стол и расставленные на нем приборы.

Бондарь был неприхотлив в еде, но крайне щепетильно относился к обстановке, в какой проходила трапеза. Пятнышко на ложке или волосинка в тарелке отбивали ему аппетит напрочь. Вот почему кухня, как и комнаты, содержалась Верой в идеальной чистоте.

Наведение порядка не составляло большого труда. Квартира была полупустой, поскольку Бондарь вывез отсюда все, что напоминало ему о жене и сыне. Судя по тому, как он хмурился и скрежетал зубами по ночам, воспоминания продолжали тревожить его во сне. Оставалось надеяться, что наяву ему легче справляться с призраками прошлого. Вера старалась изо всех сил, чтобы заменить Бондарю погибшую жену.

Благодарность ей была не нужна. Она-то была живой, и ей

хотелось любви. Всего-навсего. Не больше, но и не меньше.

* * *

– Вкусно, – коротко сказал Бондарь, вытирая губы салфеткой.

– Это из-за поджарки, – похвасталась Вера.

Она разделалась со своей порцией вареников первой и теперь боролась с желанием неотрывно наблюдать за тем, как насыщается Бондарь. При этом ей хотелось подпереть щеку рукой, как это делала мать, но вместо этого Вера сидела ровно и отваживалась лишь на быстрые короткие взгляды из-под полуопущенных ресниц.

Однажды она уже пробовала подпирать щеку, уставясь на жующего Бондаря. Опыт закончился прискорбно. Отшвырнув вилку, он встал и демонстративно удалился из кухни, а часа два спустя заявил, что не желает ощущать себя зверем в клетке, на которого пялятся все кому не лень. Урок не прошел даром, как и многие другие. Вера была способной ученицей. Наука, которой она посвятила себя в последнее время, называлась «Искусство быть незаменимой». Ей казалось, что она преуспевает на этом поприще.

– Чай будешь? – спросила она.

– Я бы выпил полбутылки кларета «Мутон Ротшильд», – заявил Бондарь с непроницаемым выражением лица.

Вера, давно привыкшая к его странной манере шутить, не

растерялась.

– Могу предложить «Дом Периньон» 1946 года, – откликнулась она. – Несколько бутылок как раз лежат сейчас во льду. Это мое любимое шампанское, я всегда держу его наготове.

Бондарь скривился:

– «Дом Периньон»? Уж лучше я выпью чая, чем эту кислятину.

За чаем болтали о всяких пустяках, но внезапно настроение Веры резко испортилось. Она почувствовала, что между ними остается что-то недосказанное. Бондарь явно выбирал момент и слова для того, чтобы сообщить нечто важное.

Что именно? Ничего хорошего Вера услышать не ожидала. Неужели настало время расставаться? Неужели придется возвращаться в Краснодар? А потом? Помогать родителям копаться на приусадебном участке? Работать секретаршей при каком-нибудь большом местном боссе, который станет гордиться ею, как своим «мерсом»-двухлеткой? Носить выданное им эротическое белье и душиться краснодарской «шанелью номер пять»?

Погруженная в свои невеселые думы, Вера не заметила, как Бондарь удалился из кухни, и вздрогнула, услышав его голос, донесшийся из комнаты:

– В честь чего розы? У кого-то из нас день рождения?

– Нет, – откликнулась Вера, гремя посудой. – Просто я решила сделать тебе приятное.

– Приятное? – громко выразил удивление Бондарь.

– Разве тебе не нравятся цветы?

– А почему они мне должны нравиться?

Войдя в комнату, Вера обнаружила Бондаря склонившимся над вазой с таким лицом, будто видел перед собой не букет роз, а какой-то инородный предмет, например, деталь от НЛО.

– Пахнут? – спросила Вера.

– Еще как, – услышала она в ответ. – Такое впечатление, словно находишься в парфюмерном магазине.

– Впервые вижу человека, который не любит цветы.

– Гораздо трудней найти человека, которого бы любили *они*.

– Кто – *они?*

– Цветы, – невозмутимо пояснил Бондарь. – Любовь людей к цветам не назовешь взаимной. Слыхала бы ты, как они стонут, когда их рвут.

– Стонут, когда их рвут? – недоверчиво переспросила Вера.

– Или срезают.

– Ты издеваешься?

– Ни в коей мере.

– Перестань меня разыгрывать! – Смешок, каким Вера сопроводила свое восклицание, прозвучал нервозно.

– Я серьезен, – заверил ее Бондарь, усевшись на диван с раскинутыми по спинке руками. – Спецслужбы давно изуча-

ют растения и пришли к выводу, что они обладают своеобразной нервной системой, реагирующей на боль, холод, опасность.

– Этого не может быть! – не поверила Вера.

– Уверяю тебя, подобные опыты проводились даже в нашем ведомстве. Почему бы не использовать обычную герань или кактусы в качестве чувствительных датчиков?

– Я не про опыты, я про нервную систему.

– Был такой английский профессор Флеминг, – сказал Бондарь, – который написал целый трактат о нервной системе цветов. Он даже придумал способ фиксировать их реакцию на физическое воздействие и записал на специальный магнитофон голос розы, когда ее срезали. – Бондарь покосился на букет в вазе. – Что-то вроде душераздирающего стона. Представляешь, как вопят розы, когда их срезают охапками? В следующий раз, когда вздумаешь сделать мне приятное, лучше купи сигарет.

Вера улыбнулась, но ее губы обиженно дрогнули.

– Но сигареты набиты табаком, – напомнила она, – а табак, исходя из твоей теории, тоже живой.

«Вот я ее и разозлил, – печально констатировал Бондарь. – За что боролись, на то и напоролись. Но как иначе дать ей понять, что пора расставаться? У меня своя жизнь, у нее – своя. Я не хочу брать на себя ответственность за молоденькую девчонку, вбившую себе в голову, что она влюблена в меня без памяти. Ей нужен другой мужчина. Молодой,

умеющий сводить дебет с кредитом, нацеленный на успех. Такой, который разбирается в бизнесе и модных шмотках не хуже, чем я – в стрелковом оружии. Чтобы не прозевать своего избранника, Вере нужно как можно раньше избавиться от меня. Пусть даже хлопнув дверью на прощанье. Так будет лучше всего. Этой гордячке не понравится осознавать себя брошенной. Она должна уйти сама».

– Табак? – рассеянно переспросил Бондарь. – Люди губят его, а он в отместку губит людей. Тут все справедливо. Но розы… Это совсем другое дело.

– Не думала, что ты такой сентиментальный, – съязвила Вера, усевшаяся на ковер в позе йога. Только медитировать она не собиралась. Выражение ее лица было сердитым, а не умиротворенным.

– Меня можно обвинить в чем угодно, только не в сентиментальности, – возразил Бондарь.

– Я о том же! Сколько человек на твоей совести, Женя? Уж никак не меньше, чем роз в этом букете.

– Больше. Значительно больше.

– Тогда почему ты укоряешь меня какими-то цветочками?

– Все просто, – ответил Бондарь, пожимая плечами. – Люди, которых мне приходилось ликвидировать, были негодяями. *Они не на моей совести, они на моем счету.* Улавливаешь разницу?

Вера провела рукой по лицу, словно снимая невидимую паутину. Негодование, сквозившее в ее взгляде, сменилось

растерянностью.

– Ну вот, – печально произнесла она, – по твоей милости я чувствую себя убийцей. Теперь я больше никогда не смогу сорвать цветка, не вспомнив о том, что он кричит от боли. Доволен? Ты этого добивался?

Она по-прежнему сидела на ковре, явно не собираясь встать и выйти вон, сказав напоследок пару неласковых слов.

– Нет, – признался Бондарь, – я не этого добивался.

– А чего? – Вера неотрывно смотрела на него, вопрошая взглядом не менее красноречиво, чем словами. – Почему ты хочешь во что бы то ни стало обидеть меня? За что? В чем я перед тобой провинилась?

Не дождавшись ответа, она порывисто поднялась на ноги, метнулась к вазе и выхватила оттуда злополучный букет. Надо полагать, шипы роз впились в ее пальцы, но Вера даже не поморщилась. Ее глаза преисполнились решимости. Она походила на человека, собирающегося впервые в жизни бросить гранату. Чека сорвана, время пошло. До взрыва остались доли секунды.

– Дай сюда, – потребовал Бондарь, протягивая руку.

– Зачем? – с вызовом спросила Вера. – Их надо выбросить в мусорное ведро. Это ведь не цветы, это трупы цветов. Смотри. – Она переложила букет в другую руку и растопырила пятерню. – Мои пальцы в крови, видишь?

Ее лицо, изуродованное эстонскими палачами, благополучно зажило, но теперь, когда кожа пошла пятнами, шра-

мы на щеках, подбородке и переносице сделались заметными снова.

– Дай сюда, – повторил Бондарь мягче. – Это была неудачная шутка. Я очень люблю цветы. Особенно розы.

– Дурак. – Вера всхлипнула. – Это же надо, девушка дарит ему цветы, а он кочевряжится. Любой другой бы на его месте надувал щеки от важности, а этот…

– Я не любой другой. Я такой, какой есть.

– Безжалостное чудовище!

– По-твоему, жалостливое чудовище лучше? – ухмыльнулся Бондарь.

– И зачем только я с тобой связалась? – в который раз изумилась Вера.

– Сам диву даюсь.

– Мучитель! Зверь! Садист!

– От мазохистки слышу.

– Что-о? – Отбросив букет, Вера с разгону прыгнула на Бондаря, норовя повалить его на диван и подмять под себя. Заглаживая вину, он поддался, и после недолгой борьбы она взяла верх, задыхаясь от торжества и напряжения. – Ты мне за все заплатишь! – пропыхтела она, удерживая руки Бондаря за запястья. – Проси пощады!

– Посмотрим, кто из нас сейчас запросит пощады, – пригрозил он.

– Уж не я!

Вера переоценила свои силы. Не прошло и минуты, как

она издала первый жалобный стон, свидетельствующий о частичной капитуляции. Но Бондарь не остановился на этом, а продолжал усердствовать до тех пор, пока не заставил Веру окончательно подчиниться его воле. Поединок закончился со счетом 2:0 в его пользу, хотя в итоге Вера себя проигравшей не почувствовала. И первое, что она произнесла, когда вновь обрела способность говорить:

– И все равно ты зверь… Только очень-очень милый…

* * *

После личных дел Бондарь занялся делами служебными, скачав из Интернета несколько документов, посвященных Астрахани. Покуривая сигарету и прихлебывая чай с лимоном, безмолвно поданный Верой, он скользил взглядом по строкам электронного текста, впитывая полезную и отбрасывая бесполезную информацию.

Астраханская область протянулась узкой полосой вдоль Волго-Ахтубской поймы, повторяя очертания речного русла. «Километров четыреста в ширину, – прикинул Бондарь. – Частично область попадает в зону пустынь и полупустынь Прикаспийской низменности. Значит, имеется масса песчаных барханов, наползающих на холмы и ложбины. Луга и леса жмутся к самой реке. Растительности не так уж много, но там, где она имеется, густо зеленеют настоящие джунгли: камыш, рогоз, тростник. Дельта Нила по-русски. Не удив-

люсь, если там цветет лотос. Не удивлюсь также, если там полно выходцев из Средней Азии, помаленьку оккупирующих приграничный район. Когда закончится это нашествие варваров? Не пора ли возводить что-то вроде Великой Китайской стены?»

Увеличив карту, Бондарь тщательно изучил местоположение областного центра, раскинувшегося на одиннадцати островах в дельте Волги. Судя по данным последней переписи населения, на пятистах квадратных километрах Астрахани проживало 488 000 представителей ста с лишним различных национальностей.

Тысяча квадратных метров на человека – это много или мало? Порядочно, решил Бондарь, даже более чем. По десять соток на брата. Другое дело, что братья эти зачастую были не родными и даже не троюродными. Тут тебе и неразумные хазары, и узкоглазые потомки Чингисхана, и половцы, прозванные так за половый, желтый цвет волос. Настоящее вавилонское столпотворение. Смешались в кучу кони, люди. Интеграция с глобализацией, мать их так. Ты им: «Добро пожаловать, гости дорогие», а они тебе: «Ассалам алейкум, собака неверная. Завтра поглядим, кто тут хозяева, а кто – гости».

Чему тут удивляться? Пятьсот лет назад Астрахань была еще не русским городом, а столицей ханства, о чем свидетельствовало ее название. Потом пришли русские и, как водится, первым делом отгрохали на самом высоком холме бе-

локаменный кремль – знай наших. Этот остров, омываемый водами Волги, Кутума, Царева и ерика Казачий, стал историческим центром города. С остальными районами его связывали мосты, перекинутые через реки и ерики.

Более детально вдаваться в историческое прошлое региона Бондарь поленился, поскольку это никак не могло помочь ему в работе. Что касается современной Астрахани, то она была чем-то вроде темной лошадки, на которую втихаря делали ставки компетентные люди. Астраханское месторождение нефти являлось пятым или шестым по величине в мире, а это не могло не привлекать сюда многочисленных инвесторов, кишащих в округе, как навозные мухи возле выгребной ямы. Попахивало мультимиллиардными прибылями. Вдоль Каспийского моря рыскали поисковые экспедиции, а в речном порту спешно возводились терминалы и причалы для иностранных танкеров-пиявок, жаждущих насосаться черной крови земли.

Те, кто рылом не вышел, чтобы хлебать из нефтяных скважин, перебивались черной икрой, методично истребляя поголовье осетровых. Совсем уж мелочь пузатая учреждала финансово-промышленные группы, приторговывая землями заповедников. Со скороспелостью прыщей на заднице появились у Астрахани два американских города-побратима, откуда валом повалили заморские работники умственного труда, в спешном порядке пополняющие свои словарные запасы нормативной и ненормативной лексикой русско-

го языка. В предвкушении дармовой нефти янки облагодетельствовали россиян храмом Свидетелей Иеговы и грудами бесплатной литературы мормонского и кришнаитского толка. Если Сатана еще не правил бал в Астрахани, то уже лакировал копыта перед тем, как триумфально пройтись по благодатному краю.

В общем, танцуют все! К сожалению, вытанцовывается лишь у тех, кто заказывает музыку…

* * *

Погруженный в свои мысли, Бондарь не сразу услышал голос окликнувшей его Веры.

– Чего тебе? – спросил он, выключая компьютер.

– Хотела узнать, чем ты так заинтересовался, – ответила она, возлежа на диване в позе ожидающей ласки кошки.

Черные волосы и неизменное черное белье примагничивали взгляд. По волосам хотелось погладить, а белье подмывало сорвать, словно обертку шоколадки: что там за начинка?

Отвернувшись, Бондарь равнодушно пожал плечами.

– Так, ничего особенного.

– Ты куда-то собрался? – не унималась Вера.

– В командировку, – буркнул Бондарь.

– Когда? – Верин голос заметно упал.

– Завтра утром.

– Опять Прибалтика?

– Россия, – неохотно ответил Бондарь. – Средняя полоса.

– А точнее?

– Один областной центр.

– Какой? – упорствовала Вера, как будто это что-то для нее меняло.

– Обычный город, – сказал Бондарь. – Ничем не лучше и не хуже других. Пять вузов, семьдесят восемь школ, два лицея и три гимназии.

– И это все, что ты можешь мне сказать?

– Почему же… Еще в этом городе насчитывается тридцать две больницы, шестьдесят девять поликлиник и шесть… – Досадливо щелкнув пальцами, Бондарь поправился: – Семь профилакториев. Культурная жизнь представлена пятью театрами, филармонией и картинной галереей Кустодиева.

– Тебе, как я погляжу, прямо не терпится погрузиться в тамошнюю культурную жизнь, – съязвила Вера. – А я? Понятное дело, что без картин Кустодиева ты просто засыхаешь на корню. – Она села, опустив голову и плечи, словно новость, свалившаяся на нее, грозила обернуться непосильной ношей. – Я тоже хочу в картинную галерею, – ирония, прорезавшаяся в Верином голосе, стремительно улетучивалась. – Но ты меня с собой не возьмешь, да?

– Ни в коем случае, – заверил ее Бондарь.

– Ну и шут с ним, с Кустодиевым. Перебьюсь. Чего я не видала в этом твоем областном центре? Какая-нибудь пыль-

ная дыра с бронзовым Лениным на главной площади. – Чертя босой ногой воображаемый узор на полу, Вера с напускным равнодушием спросила: – Надолго уезжаешь?

– Да. Но тебе не придется сидеть одной. Ты уезжаешь тоже.

Надежда, промелькнувшая в Вериных глазах, погасла, сменившись беспросветной тоской. Она догадалась.

– Гонишь меня?

Бондарь отвел взгляд:

– Домработница мне не полагается по чину.

– А жена?

– Жена у меня уже есть, и это не тот случай, когда можно получить развод.

Потока слез, который ожидал увидеть Бондарь, не последовало, хотя Верины ресницы подозрительно заискрились.

– Женя, я все понимаю, но зачем обязательно расставаться? – Неожиданно она заговорила не свойственным ей голосом, более уместным для какой-нибудь «мыльной оперы». – Я могу ждать тебя сколько понадобится. Уезжай, приезжай, только не гони меня.

– Прекрати изображать из себя приблудную собачонку. – Щека Бондаря дернулась.

– Пусть приблудная! – Вера сердито смахнула готовую сорваться с ресницы слезинку. – Зато верней не бывает.

– И назойливее.

Вырвалось – не поймаешь. Вера вздрогнула как от поще-

чины. Молча встала. Молча подошла к стулу, на котором висела одежда. Ее лицо не просто побледнело, оно сделалось таким белым, что казалось отлитым из алебастра. Никогда еще Бондарю не доводилось видеть столь бледных девушек со столь черными волосами. Словно не Вера находилась перед ним, а оживший манекен.

Но манекены не умеют самостоятельно одеваться. И на щеках манекенов не бывает пятен от зарубцевавшихся шрамов. Вера, механически натягивающая платье, была живая, вот почему выражение ее лица было страдальческим. Тронь – лопнет как натянутая струна.

Бондарь поспешно закурил, пряча глаза за прозрачной дымовой завесой. Что он наделал! Зачем оттолкнул от себя эту девушку? Другой такой не найти. В Вере имелось все, что только может пожелать мужчина. Она искренняя – и в постели, и на людях. Не зануда, не жадина, не ханжа. В ней есть дух авантюризма, она бесстрашна, находчива, неприхотлива. Она не сует нос в чужие дела, вернее, делает это с деликатностью, которая редко присуща женщинам. А главное, кажется, она действительно любит его, Бондаря. Возможно, Вера – единственный человек на свете, которому он по-настоящему нужен. Доверить ей заботы о своей персоне на всю оставшуюся жизнь?

Почему бы и нет? – промелькнуло в голове Бондаря, пока Вера, не удостаивая его взглядом, как попало запихивала в сумку вещи. Еще несколько минут, и она исчезнет из

его квартиры, оставив после себя лишь воспоминания, смутные, как запах ее любимых духов. Он снова останется один. Книги, телевизор и сигареты, сигареты, сигареты – штабеля выкуренных сигарет, горы пепла и неизбежная горечь, избавиться от которой так же невозможно, как от чувства вины.

Никто не встретит Бондаря после работы, похваляясь совершенно необыкновенными варениками с такой же необыкновенной поджаркой. Никто не обидится на него за категорический отказ от совместного похода по магазинам. Ему не сообщат, что ждут от него ребенка. Не приревнуют его. Не заставят хлебать чай с малиной во время простуды. Сам за себя. Для себя – тоже сам. Чего ради? Во имя сохранения маленького холостяцкого рая с дырявыми носками, сутки напролет киснущими в стиральном порошке? Но ведь если существует рай, то и от ада тоже никуда не деться. Хм, холостяцкий ад. Звучит мрачновато. Так и веет безысходностью от такого словосочетания.

Бондарь сделал жадную затяжку, укоротив сигарету сразу на сантиметр.

Вера уже утрамбовала тряпки в сумку и теперь яростно дергала замок «молнии», тщетно пытаясь закрыть его поверх встопорщившегося свитера. Свитер упорно не желал вминаться внутрь. Он понимал, что сейчас от него зависит будущее хозяйки.

Прикуривая одну сигарету от другой, Бондарь вдруг представил себе, как он произносит слова, которые способны

остановить Веру:

«Довольно суетиться. Угомонись и послушай, что я тебе скажу. Вера, я люблю тебя».

«Нет! – встряхнет она волосами. – Поздно, Женя. Я ухожу».

«Ты не *уходишь*, а *выходишь*».

«Выхожу?»

«Да, – кивнет он. – Замуж. За меня».

Она вздрогнет. Недоверчиво посмотрит на него. У нее задрожат губы.

«Ты действительно предлагаешь мне это?» – спросит она, запинаясь.

«Да, именно это, – откликнется он, сопровождая свои слова новым утвердительным наклоном головы. – И я говорю от всего сердца».

Она поспешно закроет лицо руками, словно не желая видеть, как сказочный мираж растает перед ее глазами. А когда руки бессильно упадут вниз, окажется, что под ними успела появиться робкая улыбка.

«Прости меня, Женя, – скажет она. – Я знаю, что ты не переносишь женских слез, но ничего не могу с собой поделать. Единственным оправданием мне служит то, что я плачу от счастья. Все произошло так неожиданно. Конечно, я выйду за тебя замуж. Хоть прямо сейчас».

Бр-р! Бондарь передернулся. Получится очень пошло и очень трогательно. А платой за трогательную пошлятину бу-

дет вся дальнейшая жизнь. Две жизни. Та, что принадлежит Бондарю, и та, на которую он не имеет ни малейшего права. Чужая жизнь. Верина.

– Помочь? – спросил он, наблюдая за ее возней.

– Без тебя обойдусь! – непримиримо пропыхтела она. – И сейчас, и в дальнейшем. Забудь о моем существовании. Меня больше нет. Я для тебя умерла, ясно?

«Скорее, я для тебя, – мысленно поправил ее Бондарь. – И никто не узнает, где могилка моя».

Вслух он больше не проронил ни слова. Говорить было не о чем.

Так и не застегнув сумку, Вера с натугой оторвала ее от пола и поволокла к выходу, едва не переламываясь в талии. Возня, затеявшаяся в прихожей, длилась недолго и завершилась грохотом, напоминающим выстрел. Зато потом стало тихо. Слишком тихо, чтобы радоваться вновь обретенной свободе. Одиночество подступило вплотную, давая знать о себе звоном в ушах. Или это резонировало эхо? Все-таки Вера здорово хлопнула дверью на прощанье.

Бондарь погасил окурок в пепельнице и провел пальцами по подбородку, пробуя на ощупь пробивающуюся сквозь кожу щетину. «Вставай и ступай бриться», – строго сказал он себе, и действительно поднялся на ноги, но отправился не в ванную, а к окну, выходящему во двор.

Вывалившаяся из подъезда Вера топала прямо по лужам, не разбирая дороги. Сумка заставляла ее клониться к земле,

словно там не одежда лежала, а пудовые гири. Девушке приходилось нелегко, это было видно невооруженным глазом. Она не шла, а ковыляла. «Подранок», – подумалось Бондарю.

В памяти всплыли читанные в детстве охотничьи истории про птиц, прикидывающихся ранеными, чтобы увести хищников подальше от родного гнезда. Женщины применяли аналогичную тактику, только конечная цель у них была иная. Не увести подальше, а подманить поближе. Слабый пол. Униженные и оскорбленные.

Бондарь стоял у окна до тех пор, пока Вера не скрылась за углом, а потом мысленно пожелал ей счастливого пути. Не пропадет, решил он, возвращаясь на середину опустевшей комнаты. Сознание того, что она ушла по собственной воле, хлопнув дверью, поможет ей смириться с разлукой. Что ж, дай бог, чтобы ей стало от этого легче. Хоть кому-то будет легче. И, уж конечно, не Бондарю.

Поколебавшись, он выкурил третью сигарету и только потом поплелся в ванную бриться. Особой необходимости в этом не было, поскольку ночь предстояло провести в гордом одиночестве, но свежевыбритым Бондарь почувствовал себя лучше. Не настолько хорошо, чтобы распевать песни, но и не настолько плохо, чтобы распивать спиртные напитки.

Наградой за примерное поведение стала поощрительная улыбка покойной жены, почудившаяся Бондарю, когда неведомая сила заставила его открыть семейный альбом с фото-

графиями. Семьи не было, а альбом сохранился. И Наташа ободряюще смотрела на Бондаря с каждого снимка, безмолвно внушая, что все в порядке, все нормально.

Он не поверил, но, укладываясь на жесткий диван, хмурился не так сильно, как обычно. Он и совесть уснули одновременно.

Глава 5
Приятное с полезным

Если бы господина Бабича отлили из чистого золота в натуральную величину, то оригинал все равно стоил бы дороже своей драгоценной копии. Другой бы, зная себе цену, перемещался по жизни степенно и важно, словно между ногами у него подвешена пара яиц Фаберже. Бабич же был суетлив и юрок, как одесский портной, одолеваемый паразитами. Скок-поскок, одна нога здесь, другая там. Правая рука перечисляет миллионы на приобретение госсобственности, а левая чешет голову, в которой не укладываются десятизначные числа полученных прибылей. Пока так называемые партнеры по так называемой коммерческой деятельности прикидывают бизнес-план к носу, Бабич – шмыг, и в дамки. Они что-то там пережевывают да рассусоливают, а он уже в списке российских миллиардеров журнала «Форбс» фигурирует. Живчик. Непоседа. Ни минуты покоя, как у того сыра, катающегося в масле.

Генеральная прокуратура РФ Бабичу постановление об аресте, а он ей – удостоверение о неприкосновенности своей хитровыделанной депутатской личности. Ему обвинения в незаконной предпринимательской деятельности, а он уже помахивает паспортом гражданина Великобритании и в ус

не дует. Так и повелось. По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там. Борю Бабича голыми руками не возьмешь, Боря человек ушлый, скользкий. Зато если Борины пальцы сомкнутся на чужой шее, то пиши пропало. Хватка у него железная, бульдожья.

В окружении Бабича уточняли: *смертельная хватка*.

О том свидетельствовали скоропостижные смерти тех, кто по каким-либо причинам не устраивал Бабича в качестве партнеров, конкурентов или просто чересчур осведомленных граждан. Достаточно сказать, что женат он был в четвертый раз, а три его экс-супруги покоились в могилах с идентичными трогательными надгробиями: голые херувимчики безутешно рыдают над усопшими, уронив обессиленные крылья на мрамор.

Первая мадам Бабич утонула в бассейне, вторая ни с того ни с сего сверзилась с высоты, третья подверглась нападению садиста, задушившего молодую женщину в момент насильственного полового акта. Кстати, почему-то именно трагическая судьба жены № 3 странно отразилась на психике безутешного вдовца. Имея дело с проститутками, он велел им раздеваться догола, собственноручно обматывал их шеи колготками (непременно черными) и яростно онанировал, пуча глаза.

Жена № 4 ни о чем таком не догадывалась, поскольку Бабич с ней переспал только один раз, ознаменовав таким образом начало медового месяца. Продолжения не последовало.

Возраст состоятельной дамы приближался к критическому тридцатилетнему рубежу, сразу за которым смерть настигла трех ее предшественниц. Роковая случайность, вздыхала мадам Бабич № 4, когда ей осторожно намекали на подозрительную закономерность. И действительно. Все прискорбные случайности оказываются роковыми, таково уж их свойство.

Усмехаясь своим мыслям, Бабич мчался по загородной английской трассе на своем эксклюзивном «Остин-Мартин Ди-Би-3». По обе стороны тянулись нескончаемые фруктовые сады Фавершема. Между ветвями поблескивала поверхность Темзы, неохотно отражающая солнечные лучи, пробивающиеся сквозь смог. По реке тяжело тащились танкеры, торговые суда, новехонькие голландские баржи. Привычно прикидывая, во сколько бы ему обошлась покупка всех кораблей, находящихся в пределах видимости, Бабич взял с сиденья элегантную металлическую коробку с оттиском «Морланд», достал оттуда сигарету и закурил, не позволяя дыму проникать в легкие.

Он очень трепетно относился к своему здоровью. Его новая жизнь в качестве полноправного британца только начиналась, и Бабич намеревался сделать ее осмысленной и приятной во всех отношениях. Глупо подохнуть от рака, не успев насладиться статусом сильного мира сего. Являясь с недавних пор действительным членом «Комитета 300», Бабич превратился из просто фантастически богатого проныры во всемогущего вершителя судьбы всего человечества. Осо-

знание этого факта окрыляло и наполняло сердце трепетным восторгом. В прошлом, семеня по кремлевским коридорам власти с проектами надувательских сделок в кейсе, Бабич имел обыкновение сутулиться и просительно втягивать голову в плечи. Теперь изменилась не только его осанка, но и черты лица.

Ястребиный нос, пронзительный взгляд, надменно выпяченные губы – в этом воплощении Бабич себе нравился больше. Он полюбил фотографироваться таким образом, чтобы свет падал снизу, отчего в портретах появлялось нечто демоническое, мефистофельское. Люди гибнут за металл? Еще бы! Они умирают за то, чтобы золото не переводилось у Бабича и ему подобных.

Выплюнув семидолларовую сигарету в окошко «Остин-Мартина», Бабич свернул с Кентерберийского шоссе налево. Здесь начиналась страна вечных каникул, населенная праздными обитателями роскошных бунгало. Уитстабл, Херн-Бей, Бирчингтон, Маргейт – эти названия звучали для британского уха не менее солидно, чем котировки акций ведущих компаний.

Переселившись в туманный Альбион, Бабич тоже подумывал осесть где-нибудь поблизости, но местные лорды с графьями заартачились, брезгливо морща носы. Им, видите ли, было в падлу соседствовать с нечистоплотным русским мафиози. Бабич оскорбился. Купленные адвокаты поднажали, отстаивая права своего клиента, но тут некстати разра-

зился скандал по поводу паба «Белая Лошадь», приобретенного Бабичем в графстве Суррей у знаменитого радиоболтуна Криса Эванса.

Жители деревни Хаскомб, где находился паб, заявили журналистам, что им подают разбавленное водой пиво и непонятно какое виски, после которого раскалывается голова. Газета «Таймс» тут же подхватила тему и опубликовала большущую статью, посвященную особенностям алкогольной продукции России. Текст сопровождался одним из «демонических» портретов Бабича, пришедшимся весьма некстати. Знаменитый английский юмор не сработал. Британцы восприняли публикацию всерьез и начали сбор подписей под петицией, призывающей объявить Бабича персоной нон грата. Разумеется, правительство не захотело депортировать человека, чьи миллиарды осели в английских банках, но с приобретением недвижимости в аристократическом районе пришлось повременить.

Викторианский особняк Бабича, обошедшийся ему в 10 миллионов фунтов стерлингов, находился в тихом предместье Лондона. Восемь спален, огромный парк, конный манеж, теннисный корт и целых три коттеджа для гостей – казалось бы, какого еще рожна Бабичу надо? Задать такой вопрос мог лишь человек, не знающий энергичной натуры российского предпринимателя. Постоянная неудовлетворенность достигнутым – вот кредо Бабича, которым тот руководствовался в своей повседневной жизни. Быть или не быть? Ха-

ха, разумеется, быть, а если за счет сотен тысяч нищенствующих сограждан, то вдвойне, втройне приятно. «Live and let die» – «Живи сам и не мешай умирать другим», говаривал Бабич, в рекордные сроки овладевший английским языком. Он любил овладевать всем и вся и занимался этим при любой возможности. А возможностей у миллиардера, вошедшего в состав «Комитета 300», было ого-го сколько.

Ни в сказке сказать, ни пером описать.

В страшном сне не привидится такое.

* * *

«Остин-Мартин» сбросил скорость до пятидесяти миль в час. То же самое проделал водитель машины сопровождения, следующей сзади. Новомодный «мерседесовский» джип был непроницаемо-черен и угласт, как гроб на колесах. Такой дизайн немецкие умельцы разработали с прицелом на подсознательные предпочтения «новых русских». На Западе подобные джипы не прижились, что почти не отразилось на конечных объемах продаж. Для кого-то родина, а для кого-то рынок сбыта и ничего больше.

Бабич любовно погладил коробку «Морланда», но от курения пока воздержался. Отлаженный двигатель «Остина» работал так тихо, что было отчетливо слышно, как гудят самолеты, взмывающие в небо со взлетной полосы соседнего аэродрома. Доехав до развилки, где торчал дорожный указа-

тель с названием городка Рамсгейт, Бабич высунул руку наружу и лениво помахал ею, показывая, что пришло время расставаться. Джип тут же затормозил и замер как вкопанный. Это было оговорено заранее. В ближайшем будущем Бабич не нуждался в охране. Риск не такое уж благородное дело, как принято думать, но иногда приходится ставить на кон собственную безопасность. Впрочем, Бабич не сомневался, что намеченное дельце пройдет без сучка без задоринки. Какие могут быть неожиданности, если все схвачено, за все уплачено?

Рамсгейт принял «Остин», как застоявшееся болото принимает камень. Сонный городишко с маленьким портом местного значения ничем не отличался от сотен таких же городишек, разбросанных по побережью Англии. В старые добрые времена на улицах Рамсгейта встречались преимущественно степенные гуси и не менее степенные полисмены. Теперь не было видно ни тех, ни других, зато на каждом углу торчали цветные тинейджеры, наряженные как на бразильский карнавал. Иммиграционная политика открытых дверей неуклонно превращала Великобританию в оплот самого оголтелого космополитизма, который только можно себе представить. Цвет кожи среднестатистического англичанина темнел с каждым годом.

– Дожили, – пробурчал Бабич, словно заправский английский эсквайр, обеспокоенный судьбой Объединенного Королевства.

На самом деле ему было плевать и на Англию, и на английскую королеву, и на паршивый городок Рамсгейт, куда привели его сугубо личные интересы. Его интересовала исключительно собственная персона. Беззаветная любовь к себе и вознесла Бабича на вершину успеха.

Откинувшись на спинку сиденья, он правил одной рукой, поскольку вторая была занята приглаживанием остатков волос на голове. Его черные, как угольки, глаза беспрестанно смотрели по сторонам, выискивая источник возможной угрозы. Инстинкт самосохранения, ничего не попишешь. Бабич ожидал подвоха даже в собственной спальне, что неблагоприятно сказывалось на его потенции, зато помогало избегать любых ловушек.

Осмотр окрестностей не выявил никаких настораживающих признаков. Погруженный в дремотную одурь Рамсгейт закончился. Дорога вынесла «Остин» за город. Проехав около километра среди зеленых лужаек и кукольных домиков, Бабич затормозил перед воротами с вывеской «Royal St Mark Golf Club». Ниже помещалась еще одна табличка, дословно гласившая по-английски следующее: «Строго воспрещено, кроме действительных членов». Дословный перевод звучал коряво, но Бабича он вполне удовлетворял. В любом случае он являлся самым действительным из всех здешних действительных членов. С недавних пор клуб принадлежал непосредственно ему, хотя Бабич никоим образом это не афишировал. На то имелись веские причины.

Ворота открыл Альфред Вайтинг, его загорелое лицо расцвело в широкой улыбке:

– Добро пожаловать, мистер Бабич.

– Привет, Фредди, – снисходительно пошевелил пальцами Бабич. – Возьми в багажнике вещи и смотри не забудь сумку с клюшками.

– Как можно, сэр?!

Мистер… Сэр… Мог ли мечтать об этом Боря Бабич еще каких-нибудь два-три года назад? Предполагал ли чопорный управляющий аристократического гольф-клуба, что станет гнуть спину перед русским, презирая его в глубине души? Вы скажете, деньги творят чудеса? Чушь! Чудеса творят люди, располагающие большими деньгами.

– Не отставай, Фредди, – прикрикнул Бабич, размашисто шагая к зданию клуба.

– Вы получили мой последний отчет, сэр? – донеслось из-за спины.

– Отчет? Ах да, отчет… Наверное, получил.

– Я приложил копии чеков, выписанных за семена травы, и…

– Когда ты, наконец, выучишь русский, Фредди? – строго спросил Бабич, обернувшись на ходу. – Вот я, например, освоил английский язык, а ты топчешься на месте, дорогой мой.

– Нужьен времья, пожалуйста, – засмущался управляющий. – Ньет практик, сэр. Вы так редко наведываетесь к

нам. – Последняя фраза прозвучала без ужасающего акцента, поскольку была произнесена по-английски.

– Дела, – важно сказал Бабич. – Много очень важных дел. Однако играть я не разучился. Помнишь мой настильный замах? – Не поленившись остановиться, он изобразил удар воображаемой клюшкой. – Хоп!

– Вы, как всегда, в отличной форме, сэр, – кисло улыбнулся Фред Вайтинг, перебрасывая хозяйский кофр из правой руки в левую. – Несколько месяцев упорных тренировок, и вы станете лучшим игроком на этой площадке. Ваш гандикап сразу поднимется до девяти. Только вам нужно избавиться от привычки забивать мяч как можно дальше.

– Ты действительно так думаешь, Фредди?

– Это лишь мое мнение, сэр.

– Вот именно, Фредди. Всего лишь твое мнение, которое лучше держать при себе. – Не скрывая своего недовольства, Бабич начал подниматься по ступенькам. – Мы, русские, говорим: «Молчание – золото».

– У нас, англичан, такая же поговорка, – пропыхтел управляющий. – Silence is golden.

– Тем более.

Войдя в холл, Бабич сразу плюхнулся на диван, постаравшись занять как можно больше места, чтобы Вайтинг не вздумал сесть рядом. Всяк сверчок знай свой шесток. Интересно, есть ли у этой пословицы английский эквивалент?

Отбросив праздные мысли, Бабич щелкнул пальцами,

привлекая к себе внимание Вайтинга. Тот, занятый раскладыванием хозяйских вещей на столе, обернулся. В его взгляде угадывались остатки не вытравленного до конца достоинства:

– Хотите что-то сказать, сэр?

– Все готово? – осведомился Бабич. – Лишних людей нет?

– Я сделал все, как вы велели, сэр, – ответил управляющий. – Правда, присланные вами парни выглядят староватыми для кэдди. Да и сложение у них чересчур массивное. Какие-то тяжелоатлеты, а не кэдди.

Имелись в виду мальчики на побегушках, которые обслуживают игроков в гольф, подавая им мячи и клюшки. Бабич понимал, что критика справедлива, но не захотел признать этого.

– Не твое собачье дело, Федя, – пробормотал он по-русски.

– I don…t understand…

– А ты и не должен андестэнд. Ты должен пахать. Работать должен, Федя. На меня работать.

Смысл слов, умышленно произнесенных без всякой эмоциональной окраски, по-прежнему не дошел до управляющего. Страдальчески поморщившись, он развел руками:

– I still don…t understand, sir.

– Не важно, – снисходительно произнес Бабич, вновь переходя на английский. – Заиров ничего не говорил по поводу новых кэдди?

– По-моему, он даже не обратил внимания, – сказал Вайтинг, присаживаясь на краешек кресла.

– Играет по-прежнему по пятницам и воскресеньям?

– Да, сэр. Ждем его с минуты на минуту. Даже не знаю, как он отреагирует, когда узнает, что вместо спарринг-партнера на поле выйдете вы.

– Нормально отреагирует, – усмехнулся Бабич. – Раз у него по графику игра в гольф, значит, она состоится при любой погоде. Этот кавказец упрям и не любит изменять своим привычкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.